

Собака Баскервильей (сборник)

Автор:

[Артур Дойл](#)

Собака Баскервильей (сборник)

Артур Конан Дойл

Сэр Артур Конан Дойл – знаменитый английский писатель, автор многочисленных детективных, приключенческих, исторических, фантастических произведений, создатель образов эксцентричного профессора Челленджера и храброго кавалерийского офицера Жерара. Однако в первую очередь читатели любят его как автора гениального Шерлока Холмса – лучшего сыщика всех времен!

Артур Конан Дойл

Собака Баскервильей (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

Собака Баскервильей

Глава I

Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, нечасто встававший рано, кроме тех случаев, когда вовсе не ложился, сидел за столом в нашей общей гостиной и завтракал. Я в это время стоял у него за спиной на коврике у камина, рассматривая трость, которую вчера вечером забыл наш посетитель. Такие добротные массивные деревянные палки с набалдашником называют «адвокатскими». Прямо под ручкой ее опоясывало серебряное кольцо шириной почти в дюйм[1 - Дюйм – 2,54 сантиметра. (Здесь и далее примеч. А. П. Краснящих, если не указано иное.)]. «Джеймсу Мортимеру, M.R.C.S.[2 - Член Королевского хирургического общества. (Примеч. пер.)], от друзей по С. С. Н.» было выгравировано на нем, ниже стояла дата: «1884». Эта трость была из разряда тех, с какими в прежние времена нередко ходили домашние врачи или юристы – солидная, крепкая, внушающая уважение.

– Что вы о ней скажете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, я же, рассматривая трость, не произнес ни слова, поэтому удивился:

– Как вы догадались, что я делаю? У вас что, и на затылке глаза имеются?

– Нет, просто на столе передо мной стоит хорошо начищенный серебряный кофейник, – сказал он. – Но все-таки, что вы скажете о трости нашего посетителя? Поскольку вчера он, к сожалению, нас так и не дождался и мы не имеем представления о том, зачем он к нам приходил, давайте попробуем использовать эту вещь, чтобы кое-что выяснить о личности ее хозяина.

– Думаю, – начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего друга, – что доктор Мортимер – весьма успешный медик, не молодой, уважаемый в обществе, раз те, кто его знают, преподносят ему такие подарки в знак уважения.

– Прекрасно! – воскликнул Холмс. – Просто замечательно!

– Ктому же мне кажется, что он, вероятнее всего, сельский врач и часто ходит к пациентам пешком.

– Почему вы так думаете?

– Потому что его довольно приличная трость так оббита, что я просто не могу себе представить ее в руках городского врача. Тяжелый металлический наконечник стесан, это свидетельствует о том, что хозяин трости часто ею пользуется.

– Очень тонко подмечено! – похвалил меня Холмс.

– Ктому же в надписи «От друзей по С. С. Н.» буква «Н» – это, скорее всего, местный охотничий клуб, членам которого этому человеку, возможно, приходилось оказывать медицинскую помощь и которые в ответ решили сделать ему небольшой подарок[З - С буквы «h» начинается английское слово «hunt» – охотничий. (Примеч. пер.)]. Ну а «С. С.» – это аббревиатура названия клуба.

– Ватсон, вы превзошли самого себя! – сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету. – Должен сказать, что в своих рассказах о моих скромных достижениях вы постоянно преуменьшаете собственные способности. Очень может быть, что вы не источник, а проводник света. Есть такие люди, которые, не обладая каким-либо особым талантом, умеют стимулировать его в других. Должен признаться, друг мой, что я многим вам обязан.

Никогда еще он так обо мне не отзывался, и, честно говоря, мне было чертовски приятно услышать из его уст такие слова, поскольку раньше меня всегда обижало, что Холмс как будто даже не замечает, с каким восхищением я к нему отношусь и как изо всех сил стараюсь донести до общественности всю правду о его методе. К тому же я почувствовал гордость, за то, что уже настолько овладел системой моего друга, что смог умело применить ее и добиться его похвалы. Взяв у меня из рук палку, Холмс несколько минут осматривал ее. Потом с заинтересованным видом отложил сигарету, подошел с тростью в руках к окну и еще раз осмотрел ее, но уже через увеличительное стекло.

– Интересно, но слишком просто, – сказал он, усаживаясь в свой любимый угол дивана. – На палке действительно есть пара-тройка отметин. Они дают основание для некоторых выводов.

- Неужели я что-нибудь упустил? – важно спросил я. – Надеюсь, что-то не очень существенное?

- Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших выводов ошибочны. Говоря, что вы стимулируете меня, я, признаюсь, имел в виду, что на правильный путь меня чаще выводят ваши ошибки. Нельзя сказать, что вы во всем неправы относительно этой трости. Безусловно, ее хозяин – сельский врач. И он действительно очень много ходит пешком.

- Так значит, я не ошибся.

- В этом – да.

- Выходит, я все определил верно?

- Нет, нет, мой дорогой Ватсон, далеко не все. Я бы предположил, что подарок от друзей доктор, вероятнее всего, получил в больнице, а не в охотничьем клубе. А когда в начале аббревиатуры стоят буквы «С. С», сами собой напрашиваются слова Чаринг-кросс[4 - С. С. Н. – «Charing Cross Hospital» (Чарингкросская больница)]. (Примеч. пер.).

- Возможно, вы и правы.

- Скорее всего, так и есть. Если мы примем за рабочую версию именно это предположение, у нас появится новая база для воссоздания образа нашего посетителя.

- Хорошо, если предположить, что «С. С. Н.» – это действительно Чарингкросская больница, что еще нам это дает?

- А у вас не возникнет никаких предположений? Вы же знаете мои методы. Примените их!

- Ну, я могу разве что добавить, что до того как переехать в деревню, этот человек имел практику в городе.

– Думаю, можно пойти немного дальше. Вот смотрите. Почему ему сделали такой подарок? В каком случае его друзья могли объединиться, чтобы вручить ему подобный предмет в знак уважения? Разумеется, когда доктор Мортимер увольнялся из больницы, чтобы начать собственную практику. Нам известно, что ему был сделан подарок, это раз. Мы предполагаем, что из города он перебрался в сельскую местность, это два. Неужели не напрашивается вывод, что подарок был сделан именно в связи с этой переменной в его жизни?

– Звучит правдоподобно.

– Теперь, как вы сами можете догадаться, он не мог быть штатным сотрудником больницы, поскольку, чтобы занимать такое место, необходимо иметь солидную практику в Лондоне. Такой человек не стал бы переезжать в деревню. Так кто же он? Если Мортимер работал в больнице, но в то же время не состоял в штате, значит, он мог быть только скромным медиком, живущим при больнице, это должность чуть выше экстерна[5 - Экстерн (от лат. *extemus* – внешний, посторонний) – внештатный врач, бесплатно работающий в больнице или ином медицинском учреждении для прохождения практики.]. К тому же из больницы он ушел пять лет назад, на это указывает дата на трости. Так что, мой дорогой Ватсон, ваш солидный, преклонных лет медик исчезает, и ему на смену приходит молодой человек, которому еще нет тридцати, общительный, нечестолюбивый, рассеянный. К тому же у него есть собака, которую он очень любит. Я бы сказал, что она побольше терьера, но меньше мастифа.

Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и стал пускать в потолок небольшие колеблющиеся колечки табачного дыма, я же, глядя на него, недоверчиво рассмеялся.

– Что касается последнего, тут я вас проверить, конечно, никак не могу, – сказал я. – Но вот уточнить возраст и место работы этого Мортимера совсем несложно.

На книжной полке, отведенной под медицинскую литературу, я нашел медицинский справочник и открыл его на букве «М». Там значилось несколько Мортимеров, но лишь один из них мог быть нашим вчерашним посетителем. Данные о нем я прочел вслух.

«Мортимер Джеймс, M.R.C.S., 1882, Гримпен, Дартмур, графство Девон. В 1882–1884 хирург при Чарингкросской больнице. Награжден премией

Джексона[6 - Джон Хьюлинг Джексон (1835-1911) – английский невролог, автор трудов о локализации двигательных центров коры головного мозга и др.] в области сравнительной патологии за статью «Болезнь. Возврат к прошлому или?..» Член-корреспондент Шведского патологоанатомического общества. Автор научных работ «Некоторые необычные проявления атавизма» («Ланцет», 1882), «Совершенствуемся ли мы?» («Психологический журнал», март 1883). Медицинский инспектор приходов Гримпен, Торсли и Хай-бэрроу».

– Видите, Ватсон, ни слова об охотничьем клубе, – сказал Холмс и расплылся в улыбке. – Но Мортимер действительно сельский врач, как вы довольно проникательно заметили. Мне кажется, что и мои выводы подтвердились. Что же касается эпитетов, если я правильно помню, я назвал его общительным, нечестолюбивым и рассеянным. Тут уж я основывался исключительно на своем знании людей. Только общительные люди получают подарки от бывших коллег, только нечестолюбивые могут пожертвовать карьерой в Лондоне ради работы в деревне, и только очень рассеянный человек, прождав целый час, может оставить свою трость, а не визитную карточку.

– А собака?

– О, эта собака любит носить в зубах трость своего хозяина. Поскольку трость довольно тяжела, собака хватает ее посередине. Здесь четко видны следы зубов. Я считаю, что челюсть у пса, судя по этим отметинам, слишком велика для терьера, а у мастифов челюсть несколько шире. Скорее всего, это... Господи, ну конечно же, спаниель с вьющейся шерстью.

Рассуждая, Холмс поднялся с дивана и стал ходить по комнате, пока не остановился у окна. В его последних словах чувствовалась такая уверенность, что я даже несколько опешил.

– Но друг мой, как вы про шерсть-то узнали?

– Очень просто. Я сейчас вижу эту собаку прямо на пороге нашего дома. А вот и ее хозяин звонит. Прошу вас, Ватсон, не уходите к себе. Он ваш коллега, и ваше присутствие может мне понадобиться. Сейчас наступает драматический момент, когда на лестнице раздаются шаги и ты не знаешь, с какой вестью этот человек вторгнется в твою жизнь, с доброй или, наоборот, с дурной. Что могло

привести доктора Джеймса Мортимера, ученого, к Шерлоку Холмсу, специалисту по раскрытию преступлений? Войдите!

Внешность человека, появившегося в дверях, удивила меня, поскольку я ожидал увидеть типичного сельского врача. Но это оказался очень высокий и худой мужчина с предлинным носом, торчавшим подобно клюву между близко посаженных пронизательных серых глаз, ярко поблескивавших из-за очков в золотой оправе. Одет доктор был прилично, но как-то неряшливо. На нем был запыленный сюртук и довольно поношенные брюки. Несмотря на молодость, он уже имел привычку горбиться и вытягивать шею при ходьбе. В общем Мортимер оставлял впечатление добряка. Войдя в нашу гостиную, он заметил трость, которую Холмс все еще держал в руках, и тут же с радостным криком бросился к ней.

– Я так рад, – сказал доктор. – А я все не мог вспомнить, где оставил ее, здесь или в пароходстве. Для меня было бы настоящей трагедией потерять ее.

– Конечно, ведь это подарок, – сказал Холмс.

– Да.

– От коллег по Чарингкросской больнице?

– Да, у меня там есть пара добрых знакомых, они преподнесли трость мне на свадьбу.

– М-да. Как нехорошо, – покачал головой Холмс.

Доктор Мортимер удивленно захлопал глазами.

– Почему нехорошо?

– Просто получается, что мы ошиблись кое в каких выводах. Так, значит, на свадьбу, говорите?

– Ну да, на свадьбу, я женился, и мне пришлось оставить больницу, а вместе с ней и надежды на должность консультанта. Нужно было обзаводиться

собственным домом.

– Что ж, в конце концов, мы были не так уж далеки от истины, – несколько взбодрился Холмс. – Итак, доктор Джеймс Мортимер...

– Мистер, сэр. Просто мистер. Я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

– И, очевидно, человек тонкого ума.

– Ну что вы, в науке я дилетант, мистер Холмс, так сказать, собиратель ракушек на берегу великого неизведанного океана. Я ведь не ошибся, я разговариваю с мистером Шерлоком Холмсом, а не...

– Да. Вот мой друг доктор Ватсон.

– Рад познакомиться с вами, сэр. Я много слышал о вас, ведь ваше имя упоминается рядом с именем вашего товарища. А знаете, я слежу за вашими успехами, мистер Шерлок Холмс. Мне давно хотелось с вами встретиться. Я никак не ожидал, что у вас такой вытянутый череп и столь ярко выраженные надбровные дуги. Вы позволите мне пощупать ваш теменной шов? Слепок с вашего черепа, сэр, пока недоступен оригинал, стал быукрашением любого антропологического музея. Поймите меня правильно, мне бы очень хотелось заполучить для исследования ваш череп.

Шерлок Холмс взмахом руки предложил нашему посетителю сесть в кресло.

– Вы, я вижу, так же преданы своему делу, как я своему. По вашему указательному пальцу я вижу, что вы сами себе делаете сигареты. Не стесняйтесь, курите.

Мортимер достал листок бумаги, табак и удивительно проворно скрутил сигарету. Длинные беспокойные пальцы доктора постоянно шевелились, как усики насекомого.

Холмс стоял молча, но весь вид его говорил о том, что наш необычный посетитель его очень заинтересовал.

– Сэр, – наконец сказал Холмс, – я не думаю, что вы удостоили меня визитом вчера и сегодня лишь ради того, чтобы взглянуть на мой череп.

– Конечно же, нет, сэр, хотя, признаюсь, я страшно рад, что мне представилась такая возможность. Я обратился к вам, мистер Холмс, потому что понимаю, что сам я человек непрактичный, а мне совершенно неожиданно пришлось столкнуться с чрезвычайно серьезной и необычной задачей. Вы же, как второй по величине специалист в Европе...

– Интересно! А могу я узнать, кто имеет честь называться первым? – слегка обиженным тоном перебил его Холмс.

– С научной точки зрения работа месье Бертильона[7 - Альфонс Бертильон – французский юрист и автор системы судебной идентификации. (Примеч. пер.)] вызывает особенное уважение.

– В таком случае почему бы вам не обратиться к нему?

– Сэр, я говорю исключительно о научном подходе. Всем известно, что как практик вы не знаете себе равных. Надеюсь, сэр, я не...

– Так, немного, – сдержанно сказал Холмс. – Доктор Мортимер, мне кажется, будет лучше, если вы без дальнейших церемоний подробно и четко расскажете о деле, в котором вам необходима моя помощь.

Глава II

Проклятие Баскервильей

– У меня в кармане лежит один манускрипт, – сказал доктор Джеймс Мортимер.

– Я заметил его, когда вы вошли, – сказал Холмс.

– Это довольно древняя рукопись.

- Начало восемнадцатого века. Если, конечно, это не подделка, - кивнул Холмс.

- Откуда вам это известно, сэр?

- Пока вы говорили, ее краешек, всего лишь дюйм или два, все время торчал у вас из кармана. Этого достаточно, чтобы без труда датировать ваш документ с точностью до десятилетия. Вам не приходилось читать мою небольшую монографию по этому вопросу? Я бы отнес манускрипт к 1730 году.

- Точнее, 1742. - Доктор Мортимер достал старинный сверток бумаги из нагрудного кармана. - Этот фамильный документ был передан мне на хранение сэром Чарльзом Баскервилем, чья внезапная и трагическая смерть пять месяцев назад взбудоражила весь Девоншир[8 - Девоншир - графство на юго-западе Англии.]. Смею сказать, что я был не только лечащим врачом, но и другом покойного. Это был человек умный, проницательный, практичный и, так же как и я, совершенно несусеверный. Однако он относился к этому документу очень серьезно: сэр Чарльз видел в нем предсказание своей смерти, и можно сказать, что не ошибся.

Холмс протянул руку и, получив манускрипт, разложил его у себя на колене.

- Ватсон, видите эти длинные и короткие «S»? Это один из пунктов, по которым я смог определить дату.

Я посмотрел через его плечо на желтую бумагу с выцветшими письменами. Наверху было написано: «Баскервиль-холл», а чуть ниже стояли крупные, несколько неровные цифры: «1742».

- Это смахивает на пересказ какой-то легенды.

- Так и есть. Это изложение фамильного предания рода Баскервилей.

- Если я правильно понимаю, вы хотите поговорить со мной о чем-то более насущном?

- Более чем. О самом что ни есть насущном, неотложном вопросе, требующем решения в течение двадцати четырех часов. Но записанный здесь рассказ

не длинный и имеет самое прямое отношение к делу, поэтому, если позволите, я вам его прочитаю.

Холмс откинулся на спинку стула, соединил перед собой кончики пальцев и закрыл глаза с видом человека, которому приходится мириться с неизбежным. Доктор Мортимер повернул манускрипт к свету и высоким скрипучим голосом стал читать этот любопытный рассказ из старинной жизни.

«Разное рассказывают о том, откуда взялась собака Баскервильей, но я, прямой потомок Хьюго Баскервиля, услышал этот рассказ от отца своего, а тот – от своего отца, и посему записываю его с верою в то, что все это действительно происходило. И хочу, чтобы вы, сыны мои, знали, что правосудию дано не только карать, но и прощать грехи наши, и нет такой вины, которую нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Пусть повесть эта научит вас не страшиться плодов прошлого, но быть благоразумными в будущем, дабы ужасные беды, выпавшие на долю нашего рода, с Божией милостию никогда более не повторились.

Доподлинно известно, что во времена Великого восстания[9 - Имеется в виду период Английской буржуазной революции (1640–1653).] (описание коего, сочиненное ученым лордом Кларендоном, я искренне советую вам изучить) поместье Баскервиль принадлежало Хьюго Баскервилю, человеку грубому, несдержанному нравом и злему. Соседи бы молча терпели его выходки, понимая, что в столь суровых местах святыми не становятся, если бы не его распутство и склонность к жестоким шуткам, о которых по всему западному побережью ходили легенды. Случилось так, что Хьюго полюбил (если его темную страсть можно назвать таким прекрасным словом) дочь йомена[10 - Йомены – в Англии XIV–XVIII вв. свободные крестьяне, работающие на земле, являющейся их наследственной собственностью.], который владел землями по соседству с поместьем Баскервильей. Но молодая девица, известная своей скромностью и добродетелью, благоразумно избегала этого человека, страшась одного имени его. И вот однажды, на Михайлов день[11 - Праздник святого Михаила отмечается в католической традиции 29 сентября. В средние века считался обязательным, но, начиная с XVIII века, утратил свое значение торжества. Святого Михаила почитают как своего небесного заступника больные и умирающие.], Хьюго вместе со своими дружками, такими же негодьями, числом пять или шесть, пробрался на соседскую ферму, когда отца и братьев прекрасной девицы не было дома (о чем им было доподлинно известно), и выкрал ее. Привезя несчастную в Холл, они заперли ее в верхних покоях,

а сами как обычно сели бражничать до утра. Бедная пленница чуть не сошла с ума, слушая пьяные крики, пение и ужасные проклятия, доносившиеся снизу, поскольку говорят, что Хьюго Баскервиль, напившись, ругался так страшно, что его проклятия могли испепелить человека, чьи уста извергли их. Наконец, не выдержав кошмара, девица сделала то, на что не решились бы и самые отчаянные из храбрецов. По плющу, который увивал (и продолжает увивать в наши дни) южную стену, она спустилась с верхнего этажа на землю и бросилась через болото к отчужденному дому. Ферма ее отца находилась в трех лигах от Баскервиль-холла.

Случилось так, что спустя какое-то время Хьюго оставил собутыльников, чтобы отнести еду и питье (а может быть, влекомый и другими, изменчивыми побуждениями) своей пленнице, но обнаружил, что птичка упорхнула из клетки. И тогда в него вселился дьявол, ибо Хьюго бросился вниз в пиршественный зал, вскочил на большой стол, расшвыривая ногами бутылки и подносы, и перед всей шальной компанией поклялся в ту же ночь отдать тело и душу силам зла, если сумеет догнать сбежавшую девчонку. Гуляки, пораженные его неистовством, притихли от ужаса. Кто-то из них, самый бессердечный (или же выпивший больше остальных), вскричал, что нужно спустить на беглянку собак. В тот же миг Хьюго выбежал из дома, крикнув слугам седлать лошадь и выпускать свору. Бросив псам платок девицы, Баскервиль черной тенью в лунном свете поскакал во весь опор на болота.

Тем временем сотрапезники его некоторое время продолжали сидеть в пиршественном зале, не в силах уразуметь всего, что случилось за столь короткое время, но вскоре в головах у них прояснилось. Взбудораженные тем, что должно было случиться на болотах, они всполошились, в зале началась суматоха. Кто-то требовал пистолеты, кто-то – коней, кто-то – еще вина. Наконец в обезумевшие головы вернулось некое подобие здравого смысла, и они всей гурьбой, а было их тринадцать человек, выбежали на улицу, вскочили в седла и бросились в погоню. Луна ярко освещала тропу, по которой должна была пробежать девица, если хотела вернуться домой.

Проскакав по болотам милую или две, всадники повстречали ночного пастуха и спросили, не видел ли он собак, идущих по следу. Те, кто пересказывают эту

историю, говорят, что пастух тот был так напуган, что едва мог говорить, однако в конце концов ответил, что действительно видел обезумевшую от страха девицу, преследуемую сворой собак. «Но это не все, – добавил он. – Еще мимо меня на своей черной кобыле проскакал Хьюго Баскервиля, а за ним, совершенно бесшумно, неслось адское отродье, внешне похожее на огромного пса. Боже упаси меня встретиться с ним еще раз на этих холмах!»

Пьяные сквайры[12 - Сквайр – в Англии титул, присоединяемый к фамилии земельного собственника.] обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре они похолодели от ужаса, ибо впереди послышался стук копыт и им навстречу выскочила, вся в белой пене, вороная кобыла Баскервиля. Ее поводья волочились по земле, а в седле никого не было. Гуляки сбились в кучу, поскольку большой страх овладел ими, но все же продолжили погоню, хотя каждый, оказавшись он здесь один, с радостью повернул бы своего коня. Медленно углубляясь в болота таким манером, они наконец наткнулись на собак. Чистокровные гончие, известные своим бесстрашным нравом, жалобно скулили у спуска в глубокую лощину, или балку, как мы ее называем. Некоторые из них, поджав хвосты и жалобно визжа, отбегали в сторону, другие, щетиня шерсть на загривках, заглядывали в узкий овраг.

Преследователи в страхе остановились. К этому времени хмельного задора у них уже поубавилось. Никто не решался ехать дальше, нашлись лишь трое смельчаков (а может быть, они просто выпили больше остальных), которые все же спустились в темную балку. За узким проходом открывалось широкое, совершенно пустое пространство, на котором с незапамятных времен стоят два огромных камня, установленные здесь давно забытыми народами. Ярок был лунный свет, и трое всадников видели ложбину как на ладони. Там, прямо посередине, лежала бездыханная девица, не вынесшая ужаса и усталости. Рядом лежало тело Хьюго Баскервиля. Но тут трое протрезвевших гуляк увидели такое, отчего волосы зашевелились у них на головах. Над Хьюго, вцепившись зубами ему в горло, стояло отвратительное существо – огромный черный зверь, очертаниями сходный с собакой, только намного больше любого пса, которого когда-либо доводилось лицезреть любому смертному. Вырвав горло из шеи Хьюго Баскервиля, чудовище повернуло к всадникам окровавленную пасть, над которой дьявольским огнем сверкали глаза. Гуляки, возопив от страха, развернули коней и поскакали во весь опор через болота, спасая свою жизнь. Один из них, как говорят, той же ночью скончался, не вынеся ужаса увиденного, двое остальных до конца дней своих так и не оправались от пережитого потрясения.

Таково, сыны мои, предание о первой встрече с собакой, которая с тех пор неотступно преследует наш род. Я же записываю эту историю лишь потому, что то, о чем знаешь, не так страшит, как недомолвки и домыслы. Да, многие из рода нашего встретили смерть внезапную, кровавую и загадочную, но на бесконечную доброту Провидения уповаем мы и надеемся, что, как сказано в Священном Писании, покарав три или четыре колена, Господь смилостивится над невинными. Сим препровождаю вас, сыны мои, в руки Провидения оного и предостерегаю: не выходите на болото в ночные часы, когда мир погружается во власть темных сил.

(Писано Хьюго Баскервилем сынам Роджеру и Джону с указанием не рассказывать о прочитанном сестре их Элизабет)».

Дочитав до конца сие сочинение, доктор Мортимер поднял очки на лоб и посмотрел на Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил в камин недокуренную сигарету.

– И что? – сказал он.

– По-вашему, это неинтересно?

– Все это может заинтересовать лишь собирателя старинных легенд.

Доктор Мортимер выхватил из кармана сложенную газету.

– Хорошо, мистер Холмс, тогда я прочитаю вам кое-что посвежее. Это «Девон каунти кроникл» за 14 мая этого года. Здесь есть небольшая заметка о смерти сэра Чарльза Баскервиля, случившейся несколькими днями ранее.

Мой друг немного подался вперед и стал внимательно слушать нашего посетителя, который, водрузив очки на прежнее место, стал читать:

– «Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, предполагаемого кандидата от либеральной партии Среднего Девоншира на предстоящих выборах, стала ударом для всего графства. Несмотря на то что сэр Чарльз

прожил в Баскервиль-холле сравнительно недолго, его искренняя доброта и удивительная щедрость успели завоевать сердца всех, кому довелось с ним встречаться. В наши дни, когда традиционные семейные ценности забываются и миром правит всеобщее стремление к наживе, приятно было видеть, как потомок древнего рода, переживающего не лучшие времена, не только сумел своими собственными руками заработать состояние, но и возвратился в родные края, чтобы вернуть былое величие своей фамилии. Как известно, сэр Чарльз заработал огромные дивиденды на южноафриканских биржевых спекуляциях[13 - Территория Южной Африки была английской колонией с 1806 по 1961 год.]. Оказавшись мудрее тех дельцов, которые продолжают вкладывать прибыль в дальнейшие операции до тех пор, пока колесо Фортуны не начинает крутиться в обратную сторону, он вернулся со своими капиталами в Англию. Всего два года назад сэр Чарльз обосновался в Баскервиль-холле. Ни для кого не секрет, какими грандиозными были его планы относительно реконструкции и усовершенствования своего родового гнезда, однако все они оказались перечеркнуты его смертью. Не имея собственных детей, сэр Чарльз часто выказывал желание еще при жизни отдать все свои сбережения на нужды округа, поэтому многие девонширцы имеют личный повод оплакивать его безвременную кончину. Наша газета неоднократно писала о его щедрых пожертвованиях обществу, занимающимся благотворительностью, как на местном уровне, так и в масштабах всего графства.

Следует отметить, что дознание пока не выявило всех обстоятельств трагического события, но по крайней мере уже можно с уверенностью сказать, что слухи, которыми обросла смерть сэра Чарльза, абсолютно беспочвенны. Нет никаких оснований подозревать в происшедшем злой умысел или считать, что эта смерть носила неестественный характер. Сэр Чарльз был вдовцом и отличался несколько своеобразным характером. Он был весьма богат, но, несмотря на это, вел довольно скромный образ жизни. В Баскервиль-холле он держал лишь двух слуг, супружескую пару по фамилии Бэрримор. Муж исполнял обязанности дворецкого, а жена – экономки. В своих свидетельских показаниях, которые подтверждаются друзьями покойного, слуги утверждают, что в последнее время здоровье сэра Чарльза ухудшилось, у него начались проблемы с сердцем, что выражалось в изменении цвета лица, одышке и острых приступах депрессии. Доктор Джеймс Мортимер, личный друг и лечащий врач покойного, также заявил, что здоровье его пациента оставляло желать лучшего.

Все обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля можно уложить в несколько строк. Покойный имел привычку по вечерам перед сном прогуливаться по знаменитой Тисовой аллее Баскервиль-холла. Бэрриморы утверждают,

что эти прогулки превратились для него в своеобразный ритуал. Четвертого мая сэр Чарльз объявил, что собирается на следующий день уехать в Лондон, и отдал приказание Бэрримору приготовить в дорогу все необходимые вещи. В тот вечер сэр Чарльз не стал изменять своим привычкам и вышел прогуляться, как обычно, закулив сигару. Он не вернулся через положенное время. В двенадцать часов дворецкий, заметив открытую входную дверь, начал беспокоиться. Он зажег фонарь и отправился на поиски хозяина. В тот день было довольно сыро, поэтому отпечатки ног сэра Чарльза были отчетливо видны на аллее. Недалеко от дома аллея проходит у калитки, которая ведет на болота. Судя по следам, сэр Чарльз простоял там какое-то время, после чего двинулся дальше по аллее. В конце аллеи его тело и было найдено. Бэрримор в своих показаниях обращает внимание на одну странность: если до калитки его хозяин шел обычным шагом, то после, судя по следам, передвигался на цыпочках. В то же самое время на болоте находился и некто Мерфи, цыган, продавец лошадей, но, по его же утверждению, он был «пьян в дугу». Мерфи утверждает, что слышал какие-то крики, но не берется определить, с какой стороны они доносились. На теле покойного не было обнаружено следов насилия, и хоть доктор Мортимер, также осматривавший тело, отмечает, что лицо сэра Чарльза было совершенно неестественным образом искажено (настолько, что поначалу доктор даже отказывался верить, что перед ним действительно его друг и пациент), эксперты утверждают, что такая реакция иногда наступает в результате диспноэ[14 - Диспноэ (от греч. dys-he-pное - дыхание) - затрудненное дыхание, одышка.] или смерти от сердечной недостаточности. Вскрытие показало, что у покойного был застарелый порок сердца, поэтому коронерское жюри[15 - Коллегия присяжных при коронере, которая по результатам расследования решает вопрос о наличии состава преступления в случае смерти. (Примеч. пер.)] вынесло вердикт о смерти, наступившей естественным путем. Оно и к лучшему, поскольку чрезвычайно важно, чтобы наследник сэра Чарльза как можно скорее приехал в Холл и продолжил доброе дело, прерванное трагической случайностью. Если бы сухое медицинское заключение не положило конец слухам романтического толка, которые поползли по Девонширу в связи с этим делом, возможно, было бы не так просто найти для Баскервиль-холла нового хозяина. Очевидно, ближайшим родственником, который теперь станет владельцем родового поместья, является сэр Генри Баскервиль (если он еще жив), сын младшего брата сэра Чарльза. В последний раз какие-либо сведения о молодом человеке приходили из Америки. В настоящий момент предпринимаются попытки разыскать его и уведомить о том, что он унаследовал немалое состояние».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее обратно в карман.

– Это было официальное изложение фактов, связанных со смертью сэра Чарльза Баскервиля.

– Должен признаться, – сказал Шерлок Холмс, – я благодарен вам за то, что вы обратили мое внимание на это дело, которое не лишено определенного интереса. Разумеется, я в начале мая просматривал газеты, но как раз тогда был полностью поглощен небольшим делом о ватиканских камнях. Я так увлекся помощью Папе, что пропустил несколько чрезвычайно интересных дел в Англии. Так вы говорите, в статье изложены все факты?

– Да.

– В таком случае я готов выслушать подробности частного характера, – сказал Холмс и с видом строгого, но справедливого судьи откинулся на спинку кресла, сомкнув перед собой кончики пальцев.

– Я вам расскажу то, – доктор Мортимер нервно дернул головой, – о чем еще никому не рассказывал. Я скрыл эти факты от коронерского жюри, потому что человек науки, во всеуслышание потакающий расхожим суевериям, рискует нанести урон своей репутации. К тому же вокруг Баскервильхолла и так сложилась дурная слава, и если еще подлить масла в огонь, то, как написано в газете, поместье действительно может остаться без хозяина. По этим двум причинам я и решил, что не имею права рассказывать все, о чем мне известно. Да если бы я и рассказал, все равно это не принесло бы никакой практической пользы. Но от вас мне незачем что-либо утаивать.

Наши места заселены довольно негусто, и те, кто живет по соседству, хорошо знают друг друга. Я тоже очень часто бывал у сэра Чарльза Баскервиля. За исключением мистера Френ-кленда из Лафтер-холла и мистера Стэплтона, натуралиста, на многие мили вокруг нет образованных людей. Сэр Чарльз вел уединенный образ жизни, и я с ним познакомился только благодаря его болезни. Оказалось, что нас интересовали одни и те же вопросы науки, поэтому мы сдружились. Из Южной Африки сэр Чарльз привез массу интереснейших научных сведений, и немало прекрасных вечеров мы провели вместе, сравнивая анатомию бушменов и готтентотов[16 - Бушмены и готтентоты – народности, коренное население Южной Африки. Присутствие в чисто «английской» повести

А. Конан Дойла отдельных южноафриканских мотивов объясняется непосредственно предшествовавшей ее написанию поездкой писателя на юг Африки в качестве врача на англо-бурскую войну.]

В последние месяцы мне стало совершенно очевидно, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Легенду, которую я прочитал вам, он принимал очень близко к сердцу, настолько близко, что, имея привычку гулять по вечерам во дворе поместья, сэр Чарльз ни за что на свете не пошел бы ночью на болота. Может, это и покажется вам странным, мистер Шерлок Холмс, но он был убежден, что над родом Баскервильей действительно висит страшное проклятие, и многие известные ему примеры из жизни предков лишь усиливали его страхи. Сэра Чарльза постоянно преследовало ощущение чьего-то присутствия, и он не раз спрашивал меня, не приходилось ли мне во время ночных поездок к больным видеть на болотах каких-либо странных существ или слышать собачий лай. О лае он спрашивал особенно часто, и каждый раз его голос дрожал от волнения.

Я хорошо помню, как приехал к сэру Чарльзу как-то раз вечером за три недели до трагического события. Он стоял в дверях, когда я спустился со своей двуколки[17 - Двуколка - двухколесная повозка.] и направился к нему. Но, подойдя к сэру Чарльзу, я заметил, что он смотрит не на меня, а на что-то у меня за спиной, причем на лице его было выражение крайнего ужаса. Я быстро обернулся и успел заметить, как вдалеке дорогу, по которой я только что проехал, перебежало какое-то существо. Я принял его за рослого черного теленка. Сэр Чарльз был так напуган и возбужден, что мне пришлось сходить на то место, чтобы попытаться найти это животное. Но оно как сквозь землю провалилось. Это происшествие произвело на сэра Чарльза очень тяжелое впечатление. Я провел с ним весь вечер, и именно тогда он, чтобы объяснить свой испуг, вручил мне этот древний манускрипт и убедил оставить его у себя. Я рассказываю вам об этом, потому что считаю, что теперь, после того, что с ним случилось, это происшествие приобретает новое значение. Хотя тогда оно не показалось мне чем-то особенным, и я посчитал, что страхи сэра Чарльза совершенно беспочвенны.

По моему совету сэр Чарльз собирался ехать в Лондон. При его больном сердце жизнь в постоянном страхе, какой бы химерической ни была причина, сильно сказывалась на здоровье сэра Чарльза. Я считал, что, проведя несколько месяцев в городской суете, он вернется совершенно другим человеком. Мистер Стэплтон, наш общий знакомый, который тоже очень волновался за его

здоровье, придерживался того же мнения. Ужасная беда настигла сэра Чарльза в последнюю минуту.

В ночь, когда он умер, Бэрримор, дворецкий, обнаружив тело, тут же послал ко мне Перкинса – это конюх в Баскервиль-холле. Когда Перкинс прискакал, я все еще работал, поэтому много времени на сборы у меня не ушло и на месте происшествия я оказался через час. Именно я установил все факты, о которых упоминалось в газете. Я прошел по следам на Тисовой аллее, увидел место у калитки, где сэр Чарльз простоял какое-то время, как будто ожидая чего-то. Это я обратил внимание на то, как изменился характер следов, это я заметил, что на мягком гравии не было ничьих других следов, кроме Бэрримора, и наконец, я внимательно осмотрел тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал лицом вниз, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю. Его лицо было сведено такой судорогой, что вначале я даже не мог с уверенностью сказать, он ли это. Никаких ран на трупе не было. Но Бэрримор допустил одну неточность, когда давал показания. Он сказал, что рядом с телом не было никаких следов. В отличие от него я обнаружил там следы... Они были не рядом с телом, а чуть поодаль, но это были свежие отчетливые отпечатки.

– Отпечатки ног?

– Да, отпечатки ног.

– Мужских или женских?

Доктор Мортимер посмотрел на нас каким-то странным взглядом и тихо, почти шепотом, произнес:

– Мистер Холмс, это были следы огромной собаки!

Глава III

Задача

Признаюсь, после этих слов мороз пробежал у меня по коже. По голосу доктора было слышно, что он и сам очень разволновался, пересказывая нам события той ночи. Холмс возбужденно подался вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, яркие искорки – верный признак того, что услышанное его очень заинтересовало.

– Вы их видели?

– Также отчетливо, как вас сейчас.

– И не упомянули об этом на следствии?

– А какой смысл?

– Почему никто другой их не заметил?

– Следы были ярдах[18 - 1 ярд – 0,9144 метра.] в двадцати от тела, и никто просто не обратил на них внимания. Я бы и сам их не заметил, если бы не знал о легенде.

– На болоте много овчарок?

– Конечно, но это были следы не овчарки.

– Вы говорите, следы были крупные?

– Огромные.

– И к телу они не приближались?

– Нет.

– А какая в ту ночь была погода?

– Было сыро.

- Но дождя не было?

- Нет.

- Вы можете описать аллею?

- Да. Это дорожка примерно восьми футов в ширину, обсаженная тисом. Высота кустов двенадцать футов, и растут они так густо, что пробраться через них невозможно.

- Между кустами и дорожкой есть что-нибудь?

- Да, полосы травы по обеим сторонам, шириной шесть футов.

- Насколько я понимаю, в определенном месте заросли тиса прерываются калиткой?

- Да, это выход на болота.

- Других проходов нет?

- Ни одного.

- То есть, чтобы попасть на Тисовую аллею, нужно либо выйти из дома, либо пройти через калитку?

- В конце дорожки есть беседка, можно пройти через нее.

- А теперь скажите, доктор Мортимер, это очень важно... Следы, которые вы заметили, были на дорожке или на траве?

- На траве следов бы не осталось.

- Они были с той же стороны, что и калитка?

- Да, с той же стороны, что и калитка.
- Чрезвычайно интересно. Еще одно. Калитка была закрыта?
- Заперта на висячий замок.
- Какова высота калитки?
- Около четырех футов.
- То есть через нее несложно перелезть.
- Да.
- А что было обнаружено возле калитки?
- Ничего особенного.
- Как, неужели никто не догадался осмотреть это место?
- Я сам осмотрел там все.
- И ничего не заметили?
- Заметил. Сэр Чарльз простоял там пять-десять минут.
- Как вы это определили?
- Пепел дважды упал с его сигары.
- Превосходно! Ватсон, нам повезло со свидетелем! Но были ли там какие-то следы?
- На гравии на этом пятачке было много следов самого сэра Чарльза, но других отпечатков я не увидел.

Шерлок Холмс нетерпеливо хлопнул себя по колену.

– Эх, если бы я был там! – воскликнул он. – Судя по всему, это чрезвычайно интересное дело, к тому же дающее самые широкие возможности для применения научного метода. К сожалению, вся информация, которую содержала на себе эта посыпанная гравием дорога, давно уже смыта дождем и растоптана башмаками любопытных прохожих. Ох, доктор Мортимер, доктор Мортимер, если бы вы сразу обратились ко мне! Это непростительная ошибка с вашей стороны.

– Чтобы обратиться к вам, мистер Холмс, мне бы пришлось придать огласке факты, а я уже объяснял, почему не хочу этого делать. К тому же... к тому же...

– Что?

– Существуют такие области, в которых бессильны даже самые проникательные и опытные сыщики.

– Вы хотите сказать, что в этом деле замешана мистика?

– Я этого не говорил.

– Не говорили, но думаете.

– После всего этого, мистер Холмс, мне стало известно о некоторых подробностях, которые не вписываются в рамки обычного.

– Например?

– Я узнал, что до того, как произошло несчастье, несколько человек видели на болотах какое-то существо, похожее на демона, преследующего род Баскервильей. Оно не может быть ни одним из известных науке животных. Все, кто его видел, в один голос утверждают, что это огромное, призрачное создание, светящееся в темноте. При виде него человек поневоле испытывает ужас. Я устроил перекрестный допрос свидетелей. Среди них были один селянин, весьма трезвых взглядов на жизнь, кузнец и фермер, который держит хозяйство на болотах. Все они слово в слово повторяют описание адского пса

из легенды. Могу вас уверить, что во всей округе царит страх, никто не решается выходить ночью на болото.

– А сами-то вы, как человек, связанный с наукой, верите, что здесь замешаны сверхъестественные силы?

– Я уже и не знаю, во что верить.

Холмс пожал плечами.

– Что ж, – сказал он, – в таком случае я объявляю, что берусь за это дело. Я по мере сил борюсь со злом, но бросить вызов самому прародителю зла было бы, конечно, несколько самонадеянно. Однако вы ведь согласитесь, что следы на земле вполне материальны?

– Пес из легенды тоже был достаточно материален, чтобы вырвать у человека горло, но все же имел дьявольскую природу.

– Я вижу, вера в сверхъестественное крепко засела у вас в голове. Но скажите-ка, доктор Мортимер, если вы так воспринимаете это дело, почему вы обратились ко мне? Вы утверждаете, что смерть сэра Чарльза не поддается расследованию, и тут же просите меня сделать это.

– Об этом я вас не просил.

– В таком случае, чем же я могу быть вам полезен?

– Посоветуйте, как мне поступить с сэром Генри Баскервилем, который приезжает на вокзал Ватерлоо... – доктор Мортимер посмотрел на часы, – ровно через час с четвертью.

– Это наследник?

– Да. После смерти сэра Чарльза мы навели справки. Оказалось, что его наследник занимается фермерством в Канаде. По дошедшим до нас сведениям, это весьма достойный молодой человек. Я говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

– Если я правильно понял, других наследников нет?

– Ни одного. Кроме сэра Генри мы смогли проследить судьбу лишь еще одного родственника, Роджера Баскервиля. Это младший из трех братьев – сэр Чарльз был старшим. Средний брат умер совсем молодым, но успел оставить сына – этого самого Генри. Роджер считался паршивой овцой в их семействе. От своих предков он унаследовал упрямый и деспотичный характер, и, как мне рассказывали, был как две капли воды похож на Хьюго Баскервиля, чей портрет хранится в семье. В Англии Роджер не ужился, сбежал в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри – последний из Баскервилей. Через час пять минут мне нужно встретить его на вокзале Ватерлоо. Я получил телеграмму о том, что сегодня утром он прибыл в Саутгемптон. Итак, мистер Холмс, что же вы посоветуете?

– Почему бы ему не отправиться в дом, где жили его предки?

– Вам это кажется естественным, не правда ли? Но ведь все Баскервилли, которые жили там, плохо кончили... Я почти уверен, что если бы сэр Чарльз перед смертью успел поговорить со мной на эту тему, он бы не разрешил мне привозить последнего представителя старинного рода и наследника огромного состояния в эту обитель смерти. Хотя, с другой стороны, нельзя отрицать, что приезд сэра Генри – единственная надежда на процветание всей нашей округи. Если Баскервиль-холл опустеет, все труды сэра Чарльза пойдут насмарку. Я очень боюсь, что могу оказаться под властью собственных интересов, поэтому-то и обращаюсь к вам за советом.

Холмс ненадолго задумался.

– Проще говоря, – сказал он, – вы считаете, что вмешательство темных сил делает Дартмур небезопасным для Баскервиля, верно?

– Могу ответить лишь более длинной словесной конструкцией: существуют определенные доказательства, свидетельствующие о том, что, возможно, это действительно так.

– Вот именно. Но согласитесь, если ваша сверхъестественная теория верна, темным силам так же легко причинить зло молодому человеку в Лондоне,

как и в Девоншире. Ведь как-то нелепо было бы представлять себе дьявола, власть которого ограничивается какой-нибудь приходской ризницей.

– Если бы вам, мистер Холмс, пришлось самому столкнуться с подобными вещами, вы бы не рассуждали об этом так легкомысленно. Насколько я понимаю, вы полагаете, что молодому человеку находиться в Девоншире ничуть не опаснее, чем в Лондоне. Он приезжает через пятьдесят минут. Что мне делать?

– Возьмите кеб[19 - Кеб – общепринятое сокращение от «кабриолет»; в зависимости от модификации – двух-или четырехколесная наемная карета для одного, двух или трех пассажиров. Кебы как уличный транспорт появились в Лондоне в 1823 году.] и вместе со своим спаниелем, который сейчас царапает когтями мою дверь, отправляйтесь на Ватерлоо встречать сэра Генри Баскервиля.

– А потом?

– Потом ничего ему не рассказывайте до тех пор, пока я не решу, что делать дальше.

– И сколько вам на это понадобится времени?

– Сутки. Завтра в десять часов, доктор Мортимер, я буду чрезвычайно рад снова видеть вас у себя, и мне бы очень помогло, если бы вы захватили с собой сэра Генри Баскервиля.

– Хорошо, мистер Холмс. – Мортимер записал на манжете напоминание о встрече и торопливо направился к лестнице, рассеянно посматривая по сторонам. Однако, прежде чем он спустился, его остановил оклик Шерлока Холмса.

– Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что несколько человек видели этого призрака на болотах до смерти сэра Чарльза Баскервиля?

– Да, трое.

– А после его кто-нибудь видел?

– Я не слышал об этом.

– Благодарю вас. Всего доброго.

Холмс уселся в кресло с удовлетворенным видом, возникавшим у него на лице всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с каким-нибудь необычным и интересным делом.

– Уходите, Ватсон?

– Да, если я вам не нужен.

– Нет-нет, мой дорогой друг, я ведь обращаюсь к вам за помощью, только когда дело доходит до непосредственных действий. Этот случай просто великолепен, даже в какой-то степени уникален. Когда будете проходить мимо магазина Брэдли, не могли бы вы попросить его прислать мне фунт самого крепкого табака? Благодарю вас. Было бы просто замечательно, если бы вы также нашли возможность не возвращаться до вечера. Потом мне было бы весьма любопытно сравнить ваши выводы по поводу этого интереснейшего дела со своими.

Я знал, как много значили для моего друга уединение и спокойствие, когда ему необходимо было сконцентрировать умственную энергию, чтобы обдумать мельчайшие детали показаний, придумать параллельные версии, все это сопоставить, взвесить и решить, что считать важным, а что – несущественным. Поэтому я провел весь день в клубе и на Бейкерстрит[20 - Бейкер-стрит - названа в честь Уильяма Бейкера, начавшего прокладывать и застраивать эту улицу в 1755 году.] вернулся только вечером. Было уже девять часов, когда я снова открыл дверь нашей гостиной.

Сначала мне показалось, что у нас был пожар – в комнате стоял такой густой дым, что свет лампы, стоящей на столе, был почти неразличим. К счастью, когда я вошел, мои страхи рассеялись, потому что в нос мне ударил такой резкий запах крепкого табака, что я даже закашлялся. Сквозь густую пелену я увидел Холмса, он сидел в своем любимом кресле с черной глиняной трубкой в зубах. Вокруг него были разбросаны несколько рулонов бумаги.

- Простудились, Ватсон? – спросил он.

- Нет. Это дым...

- Да, в комнате, должно быть, действительно довольно дымно, раз вы обратили на это внимание.

- Довольно дымно? Да здесь дышать нечем!

- Так откройте окно! Вы, я вижу, весь день провели в клубе.

- Господи, Холмс!

- Я прав?

- Да, но как...

Он рассмеялся, видя мое удивление.

- Ватсон, у вас такая естественная реакция, что мне доставляет удовольствие пробовать на вас свои скромные силы. Подумайте сами, джентльмен уходит из дома в дождливый день, когда все улицы в лужах и грязи, и возвращается вечером в совершенно чистой одежде, даже на шляпе и туфлях нет ни одного пятнышка. Следовательно, он провел весь день в каком-то одном месте. Закадычных друзей у него нет. Значит, где он был? Разве это не очевидно?

- Должен признать, достаточно очевидно.

- Мир полон очевидных истин, которых никто не замечает. А где, по-вашему, был я?

- Гм, наверное, тоже не выходили из комнаты.

- Наоборот, Ватсон. Я побывал в Девоншире.

- Мысленно?

– Разумеется. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я погляжу, успело за время моего отсутствия выпить две большие кружки кофе и выкурить огромное количество табака. Когда вы ушли, я попросил принести мне из магазина Стамфорда военно-геодезическую карту этого района болот, и мой дух витал над этим местом весь день. Я позволил себе надеяться, что не заблужусь там.

– Карта, наверное, подробная.

– Очень. – Он развернул один из рулонов и положил себе на колени. – Вот район, который нас интересует. Баскервильхолл посередине.

– А вокруг него что, лес?

– Думаю, это Тисовая аллея, хотя название здесь не указано. Она проходит по этой линии, справа от нее, как видите, болото. Вот это небольшое скопление домов – деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. В радиусе пяти миль почти нет других домов. Вот Лафтерхолл, который упоминался в разговоре, а в этом доме, возможно, живет натуралист... Стэплтон, если я правильно запомнил его фамилию. Вот две фермы: Хай-тор и Фоулмайр. В четырнадцати милях отсюда – главное здание Принстаунов-ской тюрьмы. Между этими разрозненными пунктами и вокруг них сплошное безжизненное торфяное болото. Вот, выходит, на какой сцене разыгралась трагедия, ко второму акту которой мы с вами можем иметь непосредственное отношение.

– Дикие места.

– Да, декорации подходящие. Если дьявол и впрямь вознамерился вмешаться в дела людей...

– Что же, и вы верите в сверхъестественное объяснение?

– Дьявол может иметь подручных из плоти и крови, разве не так? Для начала нам предстоит решить два вопроса. Первый – было ли вообще совершено преступление, и второй – что именно было совершено и как. Конечно же, если опасения доктора Мортимера верны и мы действительно имеем дело с силами,

выходящими за пределы обычных законов природы, наше расследование не будет иметь смысла. Но, прежде чем принять эту версию, мы обязаны проверить все остальные варианты. Если не возражаете, давайте закроем окно. Знаете, я считаю, что концентрация табачного дыма помогает концентрации мысли. Конечно, я не призываю лезть в сундук всякий раз, когда нужно хорошенько подумать, хотя такой логический вывод и напрашивается из моего тезиса. Ну а вы что, думали над этим делом?

- Да, я весь день думал.

- И к каким выводам пришли?

- Чрезвычайно запутанная история.

- Да, дело действительно из ряда вон выходящее. Хотя у нас есть некоторые отправные точки. Изменение характера следов, например. Вы можете это объяснить?

- Мортимер сказал, что сэр Чарльз часть пути по аллее прошел на цыпочках.

- Он всего лишь повторил то, что какой-то болван сказал во время следствия. Зачем Баскервилю могло понадобиться идти по аллее на цыпочках?

- Тогда как вы это объясняете?

- Сэр Чарльз бежал, Ватсон. Бежал сломя голову, спасая жизнь. Потом его сердце не выдержало, и он упал на землю лицом вниз.

- Отчего же он бежал?

- В этом-то и вопрос. Кое-что указывает на то, что он был напуган до полусмерти еще до того, как побежал.

- Что именно?

- Я склонен думать, что то, что его так напугало, приблизилось к нему со стороны болота. Если это действительно так, а это вероятнее всего, только

человек, охваченный смертельным ужасом, мог бежать не к дому, а от него. Если принять во внимание показания цыгана, сэра Чарльз бежал с криками о помощи в том направлении, где помощи можно было ожидать меньше всего.

Но опять же, кого он дожидался в ту ночь? И почему ждал на Тисовой аллее, а не в доме?

- Вы считаете, он кого-то ждал?

- Это же был немолодой человек, к тому же больной. Конечно, вполне возможно, что он просто вышел прогуляться перед сном, но на улице ведь было сыро и неприятно. Стал бы сэра Чарльз стоять на одном месте пять-десять минут, как по пеплу сигары определил доктор Мортимер, который, как оказалось, наделен более практическим складом ума, чем я предполагал?

- Но Баскервиль имел привычку выходить по вечерам.

- Не думаю, что он каждый вечер проводил у калитки столько времени. Наоборот, судя по рассказу, сэра Чарльз старался держаться подальше от болота. В ту ночь он кого-то ждал. На следующий день он должен был ехать в Лондон. Дело начинает вырисовываться, Ватсон. Появляется ясность. Вы не передадите мне скрипку? Давайте отложим дальнейшие размышления по этому делу до завтрашнего утра, когда будем иметь удовольствие встретиться с доктором Мортимером и сэром Генри Баскервилем.

Глава IV

Сэр Генри Баскервиль

На следующее утро мы встали рано. Позавтракав, мы с Холмсом, который уселся в свое любимое кресло в халате, стали дожидаться встречи. Наши клиенты не опоздали ни на секунду: как только часы пробили десять, в комнату вошел доктор Мортимер в сопровождении молодого баронета[21 - Баронет - наследственный дворянский титул в Англии, средний между титулами высшей знати и низшего дворянства.]. Наследник рода Баскервилей оказался невысоким мужчиной лет тридцати, очень крепкого телосложения, с внимательными

темными глазами. На грубо очерченном нагловатом лице его выделялись густые черные брови. Одет он был в рыжий твидовый костюм и, судя по характерному загару, привык проводить время на открытом воздухе, хотя спокойный взгляд и уверенная осанка выдавали в нем джентльмена.

– Сэр Генри Баскервиль, – представил его доктор Мортимер.

– Да, здравствуйте, джентльмены, – сказал сэр Генри. – И знаете, мистер Шерлок Холмс, если бы мой друг пригласил меня к вам сегодня утром, я бы сам пришел. Я так понимаю, вы всякие загадки разгадываете, и утром передо мной как раз возникла одна задачка, которую сам я не возьмусь решать.

– Прошу вас, сэр Генри, присаживайтесь. Вы хотите сказать, что после прибытия в Лондон с вами произошло что-то необычное?

– В общем-то, ничего важного, мистер Холмс. Наверное, чья-то глупая шутка. Сегодня утром я получил вот это письмо, если его можно назвать письмом.

Он бросил на стол конверт, и мы все склонились над ним. Обычный серый конверт, адрес написан неровными печатными буквами: «Сэру Генри Баскервилю, гостиница «Нортумберленд»», в углу почтовый штемпель «Чаринг-кросс» и дата отправления – вчерашнее число.

– Кому было известно, что вы остановитесь в гостинице «Нортумберленд»? – спросил Холмс, впившись взглядом в нашего гостя.

– Это не могло быть известно никому, потому что мы едок-тором Мортимером решили снять номер там, только когда встретились на вокзале.

– Значит, вы, доктор, остановились там и решили поселить гостя рядом с собой?

– Нет, я остановился у друга, – ответил доктор Мортимер. – Никто заранее не планировал ехать именно в эту гостиницу.

– Хм! Кого-то, видимо, очень интересуют ваши передвижения. – Из конверта Холмс извлек лист бумаги (половина обычной страницы, сложенная вчетверо)

и развернул его на столе. На листе красовалось одно-единственное предложение, составленное из вырезанных из газет слов, приклеенных рядом в середине страницы: «Если вам дороги жизнь и рассудок, держитесь подальше от болот». Причем слово «болот» было написано от руки.

– Так что, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – может быть, вы мне объясните, что это за чертовщина и кого это так интересуют мои дела?

– Что вы скажете, доктор Мортимер? Согласитесь, здесь нет ничего сверхъестественного.

– Да, но, возможно, письмо было составлено кем-то, кто считает, что это дело имеет сверхъестественную природу.

– Какое дело?! – воскликнул сэр Генри. – Сдается мне, джентльмены, вам известно о моих делах гораздо больше, чем мне.

– Сэр Генри, я обещаю, что вы все узнаете еще до того, как выйдете из этой комнаты, – сказал Шерлок Холмс. – А пока, с вашего позволения, мы изучим этот интереснейший документ, который, скорее всего, был составлен и отослан вчера вечером. У вас есть вчерашняя «Таймс»[22 - «Таймс» – старейшая и наиболее влиятельная ежедневная английская газета. Выходит в Лондоне с 1785 года.]?

– Да, там в углу лежит.

– Можно вас попросить... Будьте добры, откройте страницу с передовицей.

Я вручил Холмсу газету, и он быстро пробежал глазами по колонкам текста.

– Статья посвящена свободе торговли. Разрешите зачитать небольшой отрывок: «Может показаться, что отечественная торговля или та или иная отрасль индустрии будут только в выигрыше от повышения пошлины на ввоз импортных товаров, но рассудок подсказывает нам, что если подобный законопроект будет принят, в конечном итоге это приведет лишь к тому, что рыночная стоимость произведенных у нас и идущих на экспорт товаров упадет, денежные вливания в экономику страны уменьшатся, а в результате жизнь и благосостояние

граждан только ухудшатся. Так и хочется сказать нашим уважаемым парламентариям: держитесь подальше от этого законопроекта! Как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад!» Что скажете, Ватсон? – Холмс прямо-таки засветился от удовольствия, даже радостно потер руки. – Весьма здоровое рассуждение, не правда ли?

Доктор Мортимер не без профессионального интереса воззрился на Холмса, а сэр Генри Баскервиль, широко распахнув свои черные глаза, удивленно посмотрел на меня.

– Я мало что смыслю в экономике и всяких таких штуках, – проговорил он, – но мне кажется, мы немного отходим от темы.

– Наоборот, эта статья имеет самое непосредственное отношение к нашей теме, сэр Генри. Вот Ватсон знает о моих методах больше, чем вы, но, боюсь, он тоже не совсем понял всю важность этого абзаца.

– Должен признаться, не вижу никакой связи.

– Тем не менее, мой дорогой Ватсон, связь есть и самая непосредственная. Письмо, полученное вами сегодня, составлено из слов, которые упоминаются в этой статье. «Вам», «жизнь», «дорога», «рассудок», «держитесь подальше от». Разве вы этого не заметили?

– Разрази меня гром, ну конечно же! Ну вы даете, мистер Холмс! – изумился сэр Генри.

– Чтобы развеять последние сомнения, обратите внимание на слова «держитесь подальше от», они вырезаны все вместе из одной строки.

– Да... действительно!

– Да уж, мистер Холмс, это превосходит все мои ожидания, – ошеломленно сказал доктор Мортимер, глядя на моего друга. – Конечно, всякому ясно, что слова были вырезаны из газеты, но чтобы вот так запросто определить из какой, да еще и указать на саму статью!.. Воистину, это просто поразительно.

Как вам это удалось?

– Скажите, доктор, вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

– Разумеется.

– А как?

– О, это моя излюбленная тема. Отличия совершенно очевидны. Надбровные дуги, овал лица, форма верхней челюсти...

– А это моя излюбленная тема, и для меня легкий и свободный боргес[23 - Боргес – полиграфический шрифт. (Примеч. пер.)] «Таймс» также отличается от слепого шрифта какой-нибудь дешевой вечерки, как для вас череп негра отличается от черепа эскимоса. Умение различать шрифты относится к азам криминалистической науки, хотя, признаюсь, когда-то, во времена ранней юности, я один раз перепутал «Лидс меркьюри» и «Вестерн морнингньюс». Но передовицу «Таймс» ни с чем нельзя спутать. Для меня было совершенно очевидно, что слова взяты именно оттуда. И поскольку это было сделано вчера, вероятнее всего слова эти следовало искать во вчерашнем номере.

– То есть вы хотите сказать, – вставил сэр Генри Баскервиль, – что кто-то вырезал из газеты ножницами...

– Маникюрными ножницами, – уточнил Холмс. – Видите, тому, кто составлял письмо, пришлось сделать два надреза, чтобы вырезать «держитесь подальше от», следовательно, у ножниц были очень короткие лезвия.

– Да-да. Значит, кто-то вырезал маникюрными ножницами слова и наклеил их...

– Столярным клеем...

– ...столярным клеем на лист бумаги. Но хотелось бы знать, почему слово «болот» написано от руки?

– Потому что ему не удалось найти этого слова в газете. Все остальные слова простые, их почти наверняка можно отыскать в любом номере газеты. Слово

«болот» встречается не так часто.

– Действительно, похоже на правду. А еще что-нибудь вы можете определить по этому письму, мистер Холмс?

– Кое-что еще добавить можно, хотя составитель послания сделал все, чтобы не оставить никаких зацепок. Адрес, как видите, написан не очень ровными печатными буквами. Но поскольку «Таймс» – газета, которую читают люди образованные, можно сделать вывод, что послание составлено образованным человеком, который хочет выдать себя за необразованного. Тот факт, что он изменил почерк, говорит о том, что либо вам знаком его почерк, либо есть вероятность, что вы столкнетесь с ним в будущем. К тому же видите, слова наклеены неровно, некоторые – намного выше остальных. «Жизнь» например, совсем в сторону съехало. Это может указывать либо на неаккуратность автора, либо на то, что работа делалась в спешке или большом волнении. Я больше склоняюсь ко второму варианту, поскольку нельзя предположить, что в таком важном деле человек опустился бы до подобной неаккуратности. Если предположить, что он все-таки действительно спешил, возникает другой интересный вопрос: почему же он так спешил, ведь любое письмо, отправленное до наступления утра, попало бы в руки сэра Генри прежде, чем он ушел бы из гостиницы? Может быть, составитель послания боялся, что ему помешают? Если да, то кто?

– Об этом мы можем только гадать, – сказал доктор Мортимер.

– Лучше сказать, мы можем сопоставить все возможные варианты ответов, чтобы выбрать наиболее вероятный. Это научное применение фантазии, хотя любые догадки тоже строятся не на пустом месте. Несомненно, вы посчитаете это догадкой, но я почти уверен, что адрес на конверте был написан в гостиничном номере.

– Об этом-то как вы могли узнать?

– Если внимательно присмотреться, видно, что автору неудобно было писать этим пером и этими чернилами. Пока он писал короткий адрес, перо успело три раза высохнуть, два раза «поплыть», причем в одном слове. Следовательно, чернильница была почти пуста. Свои перо или чернильницу редко доводят до подобного состояния, ну а такое сочетание – просто редкий случай. Когда

под рукой нет ничего другого, приходится пользоваться гостиничными принадлежностями. Да, я почти уверен, что, если бы мы смогли обследовать содержимое урн всех гостиниц в Чаринг-кроссе, мы бы нашли там изрезанную страницу «Таймс», что вывело бы нас прямо на отправителя сего послания. Секундочку, секундочку! А это что такое?

Шерлок Холмс поднес лист бумаги, на котором были наклеены слова, прямо к глазам.

– Что?

– Нет, ничего. – Он бросил лист на стол. – Обычная бумага, даже без водяных знаков. Похоже, мы уже выудили из этого письма все, что можно было. Теперь скажите, сэр Генри, с вами в Лондоне больше не происходило ничего необычного?

– Как будто нет, мистер Холмс. Ничего такого.

– Вы не заметили, чтобы за вами кто-то наблюдал или следил?

– Такое впечатление, будто я попал на страницы какого-то бульварного романа, – обиделся наш гость. – С чего бы это кому-то пришло в голову следить за мной?

– Сейчас мы вам все объясним. Но вам точно нечего добавить?

– Это зависит от того, что вы считаете заслуживающим внимания.

– Все, что хоть как-то выходит за рамки обычной, повседневной жизни.

Сэр Генри заулыбался.

– Я пока еще мало что знаю о жизни в Англии, я-то почти всю жизнь прожил в Штатах и Канаде, но, надеюсь, потерянные башмаки не вписываются у вас в рамки обычной, повседневной жизни.

– У вас пропали башмаки?

– Один башмак.

– Дорогой сэръ Генри, – воскликнул тут доктор Мортимер, – да вы просто сами куда-то засунули его! Вернетесь в гостиницу, отыщется ваша пропажа. Зачем отвлекать внимание мистера Холмса такими пустяками?

– Но он же сам попросил рассказать про любые мелочи.

– Совершенно верно, – сказал Холмс, – какими бы несущественными или глупыми они ни казались. Так вы говорите, у вас пропал башмак?

– Ну, в общем, да, я не могу найти его. Вчера вечером я выставил свои башмаки за дверь, а сегодня утром там остался только один. От парня, который их чистит, я никаких объяснений не добился. Хуже всего то, что я и купил-то их только вчера на Стрэнде[24 - Стрэнд – название одной из центральных лондонских улиц. (Примеч. пер.)]. Представляете, я их даже ни разу не надел.

– Если вы ни разу их не надевали, зачем же вы выставили их за дверь?

– Вы понимаете, они были песочного цвета и к то муже нелакированные. Поэтому я их и выставил.

– Выходит, вы, прибыв вчера в Лондон, первым делом пошли покупать себе обувь?

– Да, я прошелся по магазинам. Доктор Мортимер не отходил от меня ни на шаг. Знаете, раз уж меня там будут принимать за важную персону, мне и одеваться придется соответствующим образом. Может быть, конечно, у себя на Западе я слишком привык вести себя по-простому... Надо же, отдать за ботинки шесть долларов и даже ни разу не успеть их надеть!

– Не думаю, что кому-то нужен один ботинок, – сказал Шерлок Холмс. – Я согласен с доктором Мортимером, скоро ваш пропавший башмак отыщется.

– Ну ладно, джентльмены, – решительно сменил тему баронет. – Я уже, похоже, достаточно понарасказал. Теперь пора и вам выполнить свое обещание. Я хочу знать, что меня ожидает.

– Весьма обоснованное желание, – согласно кивнул Холмс. – Доктор Мортимер, мне кажется, лучше всего будет, если вы изложите сэру Генри суть дела в тех же словах, что и нам вчера утром.

Наш ученый друг извлек из кармана свои бумаги и повторил вчерашний рассказ. Сэр Генри Баскервиль слушал его с необыкновенным вниманием, время от времени удивленно вскрикивая.

– Что ж, похоже, наследство мне досталось вместе с родовым проклятием, – невесело сказал он, дослушав до конца длинный рассказ. – Конечно, легенды о собаке мне рассказывали еще с детских лет, в нашей семье это была любимая тема, но раньше я никогда не относился к этому серьезно. Однако теперь, когда умер дядя... У меня ум за разум заходит, я пока ничего не могу понять. Вы, я вижу, тоже еще не решили, кому поручить это дело, полиции или Церкви.

– Именно.

– А тут еще это письмо из гостиницы. Тоже, видно, не случайное совпадение.

– Да, похоже, о том, что творится на болотах, кому-то известно намного больше, чем нам, – кивнул доктор Мортимер.

– Кроме того, – вставил Холмс, – этот человек не желает вам зла, раз предостерегает от опасности.

– Или наоборот, хочет отпугнуть меня для достижения каких-то своих целей.

– Конечно, может быть и так. Знаете, доктор Мортимер, я вам очень признателен за столь необычное дело, в котором существует несколько совершенно равноправных и интересных вариантов решения. Однако сейчас нам необходимо подумать, разумно ли вам, сэру Генри, ехать в Баскервиль-холл.

– А почему нет?

– Там может быть небезопасно.

– Кого же мне бояться, чудовища из семейного предания или человека?

– Это нам и предстоит выяснить.

– Что бы это ни было, я уже твердо решил. Ни дьявол, ни человек не заставит меня отказаться от намерения поселиться в доме своих предков. Это мое последнее слово. – Лицо сэра Генри вспыхнуло, черные брови решительно сошлись на переносице. Мы увидели, что суровый нрав, которым отличались предки Баскервиля, в полной мере передался и последнему представителю этого древнего рода. – А пока, – продолжил баронет, – мне нужно время, чтобы обдумать все, что вы мне тут рассказали. Все это слишком сложно, чтобы взять и вот так с ходу во всем разобраться. Я бы хотел часок побыть один.

Мистер Холмс, уже половина двенадцатого, я, пожалуй, пойду к себе в гостиницу. Надеюсь, вы с вашим другом, доктором Ватсоном, присоединитесь к нам за обедом в два часа? Тогда я смогу вам лучше описать свои чувства.

– Вам это удобно, Ватсон?

– Вполне.

– В таком случае ждите нас. Вызвать вам кеб?

– Не стоит, я с удовольствием пройду пешком, наш разговор меня довольно взволновал.

– Я с удовольствием прогуляюсь с вами, – сказал Мортимер.

– Решено, значит, встречаемся в два часа. Au revoir[25 - До свидания (фр.). (Примеч. пер.)] и всего доброго!

Как только наши посетители спустились по лестнице и за ними захлопнулась дверь, Холмс из ленивого мечтателя превратился в человека действия.

– Ваша шляпа и туфли, Ватсон, скорее! Нельзя терять ни секунды! – Он бросился в свою комнату. Чтобы переодеться из халата в сюртук, ему понадобилось лишь несколько мгновений.

Мы вместе промчались по лестнице вниз и выскочили на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль успели отойти ярдов на двести, но еще не скрылись из виду. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит[26 - Оксфорд-стрит – улица в центре Лондона, недалеко от Бейкер-стрит.].

– Мне догнать их и остановить?

– Ни в коем случае, дорогой Ватсон. Меня совершенно устраивает ваша компания, если, конечно, вы согласны терпеть меня. Наши друзья поступили мудро, решив пройтись. Сейчас замечательное утро для прогулок.

Холмс ускорил шаг, и вскоре расстояние между нами и нашими посетителями сократилось вдвое. Продолжая держаться в ста футах, мы проследовали за ними на Оксфорд-стрит, а оттуда – на Риджент-стрит[27 - Риджент-стрит – улица в центре Лондона, недалеко от Бейкер-стрит.]. Один раз наши друзья остановились у витрины одного из магазинов, Холмс сделал то же самое, но через секунду я услышал, как он негромко и удовлетворенно воскликнул. Проследив за его взглядом, я понял, что он смотрит на двухколесный экипаж, стоявший на противоположной стороне улицы. Человек, сидевший в нем, велел кучеру снова трогать, и одноколка[28 - Одноколка – легкая двухколесная рессорная повозка.] медленно покатила.

– Это он, Ватсон! Скорее! Попробуем хотя бы рассмотреть его.

В боковом окне кеба я успел заметить кустистую черную бороду и устремленные на нас пронзительные глаза, но в следующую секунду створка окна захлопнулась, пассажир что-то крикнул извозчику, кеб рванулся с места и понесся по Риджент-стрит. Холмс хищно оглянулся по сторонам, но рядом свободного кеба не оказалось. Тогда мой друг рванулся прямо в гущу уличного движения и бросился в погоню, но время было упущено, да и кеб уже скрылся из виду.

– Ну надо же! – расстроено воскликнул Холмс, пробившись через нескончаемый поток движущегося транспорта обратно на тротуар. – Вот ведь не повезло! Да и я хорош! Эх, Ватсон, Ватсон, если вы искренний человек, то должны и про это упомянуть в своих записках.

– Кто это был?

– Понятия не имею.

– Тайный соглядатай?

– У нас есть все основания подозревать, что за Баскервилем следят с той секунды, как он сошел с поезда в Лондоне. Иначе как бы им удалось так быстро узнать о гостинице «Нортумберленд»? Если за ним установили слежку в первый же день, наверняка будут следить и во второй. Возможно, вы заметили, что, пока доктор Мортимер читал легенду, я дважды подходил к окну.

– Да, я обратил на это внимание.

– Я надеялся увидеть на улице каких-нибудь празднующихся личностей. Никого, правда, так и не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. И хоть я пока не решил, как к нему относиться, как к союзнику или как к противнику, надо признать, что действует он с прямо-таки дьявольской ловкостью. Когда наши друзья вышли на улицу, я бросился за ними, потому что надеялся заметить их невидимого преследователя. Но он оказался настолько хитер, что не стал доверять своим ногам, а нанял кеб, чтобы иметь возможность не только следить за ними, но и при необходимости скрыться. Кроме того, это давало ему возможность не упустить сэра Генри и Мортимера, если бы они тоже решили взять кеб. В его плане есть только один минус.

– Его видел кебмен.

– Именно.

– Как жаль, что мы не посмотрели на номер!

– Дорогой Ватсон, я, конечно, показал себя сейчас не с самой лучшей стороны, но неужели вы думаете, что я мог не запомнить номер кеба? Две тысячи семьсот четыре. Только по моей вине нам это мало что даст.

– Холмс, перестаньте себя корить. Ведь вы сделали все, что могли.

– Заметив кеб, мне нужно было тут же отвернуться и пойти в другую сторону. Так у меня появилась бы возможность взять другой кеб и проследить за нашим незнакомцем с безопасного расстояния. Или, что было бы еще лучше, отправиться к гостинице «Нортумберленд» и ждать там. Когда он довел бы Баскервиля до гостиницы, мы бы воспользовались его же методом и узнали, где он обитает. К сожалению, я так увлекся, что допустил одну непростительную оплошность, которой этот человек тут же воспользовался. В результате мы не только упустили его, но и выдали себя с головой. Удивительно, как он успел так быстро среагировать?

Беседуя, мы медленно шли по Риджент-стрит, хотя доктор Мортимер и его спутник уже давно затерялись в толпе.

– Нет смысла следовать за ними, – сказал Холмс. – Тень оторвалась и уже не вернется. Давайте разберемся, какие у нас на руках карты, и решим, как правильнее сыграть. Вы рассмотрели лицо человека в кебе?

– Успел заметить только бороду.

– Я тоже... Поэтому борода, скорее всего, фальшивая. Умному человеку в таком тонком деле борода может понадобиться только для одного – для маскировки. Давайте зайдем, Ватсон.

Холмс завернул в одно из посыльных агентств. Управляющий встретил нас на удивление радушно.

– А, Вилсон, вижу, вы не забыли то небольшое дело, в котором я вам помог, – сказал Шерлок Холмс.

– Чтовы, сэр, как можно! Вы же спасли не только мое имя, но, может, даже и жизнь.

– Дружище, вы преувеличиваете. Вилсон, мне помнится, у вас служил один весьма расторопный мальчишка, Картрайт его фамилия, он еще немного помогал в расследовании.

- Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

- Не могли бы вы его позвать? Спасибо. И разменяйте мне, пожалуйста, пять фунтов мелочью.

Картрайт оказался пареньком лет четырнадцати с открытым лицом и внимательным взглядом. Он встал перед нами, с благоговением взирая на знаменитого сыщика.

- Дайте, пожалуйста, указатель гостиниц, - попросил Холмс. - Благодарю вас! Картрайт, вот названия двадцати трех гостиниц. Все они находятся в непосредственной близости к Чаринг-кросс. Видите?

- Да, сэр.

- Вы по очереди обойдете их.

- Да, сэр.

- В каждой гостинице первым делом дадите швейцару по одному шиллингу. Вот вам двадцать три шиллинга.

- Да, сэр.

- Швейцарам будете говорить, что вам нужно осмотреть вчерашние урны для бумаг. Объясните это тем, что одна важная телеграмма была доставлена не по назначению и вам поручено ее найти. Все понятно?

- Да, сэр.

- На самом деле вы будете искать разворот «Таймс» с несколькими строчками, вырезанными ножницами. Вот этот номер. Вот эта страница. Запомнили? Узнаете нужную газету?

- Да, сэр.

– Швейцары наверняка позовут портъе, им вы тоже дадите по шиллингу. Вот вам еще двадцать три шиллинга. Наверное, в двадцати случаях из двадцати трех окажется, что вчерашний мусор уже выбросили или сожгли. В остальных трех вам покажут кучу бумаг. Интересующая нас страница «Таймс» может оказаться среди них. Конечно, шансы невелики, но будем надеяться на везение. Вот вам еще десять шиллингов на всякий случай. Вечером телеграфируйте мне на Бейкер-стрит о результатах. Ну что же, Ватсон, теперь нам остается только справиться о кебе номер две тысячи семьсот четыре. Но до обеда с Баскервилем у нас еще есть время, чтобы зайти в одну из картинных галерей на Бонд-стрит.

Глава V

Три оборванные нити

Шерлок Холмс обладал воистину удивительной способностью полностью переключать мысли с одной темы на другую. В течение следующих двух часов загадочное дело было забыто, и мой друг погрузился в созерцание картин современных бельгийских художников. По дороге из галереи до гостиницы «Нортумберленд» он говорил только об искусстве, о котором, впрочем, имел самые зачаточные представления.

– Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, – сообщил нам администратор, когда мы вошли в гостиницу. – Он попросил сразу же провести вас к нему, как только вы придете.

– Вы не возражаете, если я загляну в ваш журнал? – спросил Холмс.

– Конечно, прошу вас.

По записям в журнале выходило, что после Баскервиля в гостинице поселились еще двое. Первый – Теофил Джонсон из Ньюкасла, вместе с семьей, вторая – миссис Олдмор из Хай-лодж, Олтон, со служанкой.

– Я, похоже, знаю этого Джонсона, – обратился Холмс к портъе. – Это адвокат, седой такой и слегка прихрамывает, верно?

– Нет, сэр, этот мистер Джонсон – владелец угольной шахты, очень энергичный человек, не старше вас.

– Вы уверены, что он не адвокат?

– Абсолютно, сэр. Он уже много лет останавливается в нашей гостинице, весь персонал его очень хорошо знает.

– Ладно, а миссис Олдмор? Мне и ее имя кажется знакомым. Простите меня за любопытство, но вы же знаете, как часто, вспоминая одного друга, наталкиваешься на другого.

– Сэр, миссис Олдмор – инвалид. Ее муж когда-то был мэром Глостера. Она тоже наш постоянный клиент.

– Спасибо. Боюсь, что с ней я не знаком.

– Благодаря этим расспросам мы добыли очень важные сведения, – шепотом пояснил мне Холмс, когда мы отправились наверх. – Теперь мы точно знаем, что люди, которые следят за нашим другом, не остановились в этой гостинице. То есть, несмотря на такое внимание к его особе, они очень заинтересованы в том, чтобы сэр Генри их не видел. Этот факт говорит о многом.

– О чем же он говорит?

– Это означает, что... О дружище, что с вами?

Поднявшись по лестнице, мы лицом к лицу столкнулись с самим сэром Генри Баскервилем. Он сжимал в руке старый пыльный башмак и был прямо-таки взбешен. От гнева баронет даже не мог четко произносить слова. Когда ему удалось взять себя в руки, он заговорил с явным западным акцентом, которого утром за ним не наблюдалось.

– В этом отеле меня, похоже, за лопуха держат! – негодовал сэр Генри. – Они у меня еще поймут, что связались не с тем человеком! Черт возьми, если этот парень не найдет мой башмак, я устрою им неприятности! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но это уже переходит всякие границы.

- Вы до сих пор не нашли башмак?

- Да, сэр, но не сомневайтесь, уж я-то его найду!

- Но вы же говорили, что это был новый светло-коричневый башмак.

- Так и есть. А теперь вот старый черный.

- Как? Не хотите же вы сказать, что...

- Вот именно! Это я и хочу сказать. Всего у меня было три пары башмаков: новые светло-коричневые, старые черные и вот эти лакированные, которые сейчас на мне. Вчера у меня стянули светло-коричневый башмак, а сегодня черный! Дошло до вас? Что ты глаза вылупил, говори, нашли?

Рядом с нами появился взволнованный коридорный, немец.

- Нет, сэр! Я уже у всех спросил, но никто его не видел.

- Значит так, или вы до вечера найдете мой башмак, или я иду к управляющему и сообщаю ему, что съезжаю из этого отеля.

- Башмак найдется, сэр... Обещаю, если вы немного потерпите, мы его обязательно отыщем.

- Ну, смотрите! Я не допущу, чтобы в вашем воровском притоне у меня еще что-нибудь пропало. Мистер Холмс, вы, конечно, извините, что я беспокою вас по таким пустякам...

- Я не считаю, что это такой уж пустяк.

- Выдумаете, это серьезно?

- Вы-то сами как объясняете то, что с вами произошло?

– Я не задумывался... Ничего более странного и загадочного со мной еще не случилось.

– Скорее загадочного.

– А сами вы можете все это как-то объяснить?

– Пока еще я не готов сказать, что разобрался во всем. Ваш случай очень непростой, сэр Генри. Учитывая смерть вашего дяди, это, пожалуй, самое запутанное из всех пяти сотен серьезных дел, которые мне приходилось расследовать за свою карьеру. К счастью, у меня в руках есть несколько нитей, и одна из них, вероятнее всего, приведет нас к истине. Конечно, может случиться, что, ухватившись за неверную нить, мы потеряем время, но рано или поздно мы обязательно доберемся до правды.

Затем последовал приятный легкий обед, за время которого о деле, которое свело нас, не было сказано ни слова. Только в гостиной, куда мы переместились впоследствии, Холмс справился у Баскервиля о его дальнейших планах.

– Я собираюсь ехать в Баскервиль-холл.

– И когда?

– В конце недели.

– В общем, – сказал Холмс, – я считаю, что вы приняли весьма разумное решение. У меня есть убедительные доказательства того, что в Лондоне за вами следят. В этом огромном городе с несколькими миллионами жителей трудно определить, кто эти люди и каковы их цели. Если они намерены причинить вам зло, мы бессильны помешать им. Доктор Мортимер, вы не заметили, что сегодня утром, когда вы вышли из моего дома, за вами следили?

– Следили? Кто? – изумился доктор Мортимер.

– К сожалению, этого-то я и не могу вам сказать. Есть ли среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре кто-нибудь с черной густой бородой?

– Нет... хотя постойте... Ну да, есть. Бэрримор, дворецкий сэра Чарльза. У него густая черная борода.

– Ха! Где сейчас Бэрримор?

– В Холле, следит за хозяйством.

– Нам необходимо проверить, действительно ли он там или находится сейчас в Лондоне.

– Как же вы собираетесь это сделать?

– Дайте мне телеграфный бланк. «Все ли готово к приезду сэра Генри?» Этого будет достаточно. Адрес: «Баскервильхолл, мистеру Бэрримору». Где у вас ближайший телеграф? В Гримпене. Прекрасно. Мы пошлем еще одну телеграмму начальнику телеграфа с указанием вручить первую телеграмму мистеру Бэрримору лично в руки или, если его не окажется на месте, вернуть ее сэру Генри Баскервилю в гостиницу «Нортумберленд». Таким образом, уже этим вечером мы будем знать, находится Бэрримор на своем рабочем месте в Девоншире или нет.

– Да, ловко придумано, – согласился Баскервиль. – Кстати, доктор Мортимер, а что вообще за человек этот Бэрримор?

– Это сын предыдущего дворецкого, который уже умер. Четыре поколения его предков служили в Холле. Насколько мне известно, Бэрримор и его жена – вполне уважаемые в нашей округе люди.

– Да, но в то же время, пока в Баскервиль-холле нет хозяина, они живут одни в прекрасном доме, при этом ничего не делая, – задумчиво сказал сэр Генри.

– Верно.

– Скажите, Бэрримору и его супруге что-нибудь положено по завещанию сэра Чарльза? – спросил Холмс.

– По пятьсот фунтов каждому.

– Вот как! И они об этом знали?

– Да, сэр Чарльз любил говорить о том, как будет выполняться его последняя воля.

– Чрезвычайно интересно.

– Надеюсь, – смутился доктор Мортимер, – вы не станете подозревать каждого, кому сэр Чарльз что-то оставил в наследство. Мне он тоже завещал тысячу фунтов.

– В самом деле? А кому еще?

– Небольшие суммы были завещаны многим людям и благотворительным организациям. Но основной капитал полностью перешел сэру Генри.

– Какова же общая сумма?

– Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно вскинул брови.

– Я и не подозревал, что в этом деле замешана такая огромная сумма! – воскликнул он.

– Все знали, что сэр Чарльз богат, но об истинном размере его состояния стало известно, только когда мы получили возможность изучить его ценные бумаги. Общая стоимость его имущества – почти миллион.

– Черт побери, да при такой ставке кто угодно пойдет на риск! Еще один вопрос, доктор Мортимер. Если предположить, что что-нибудь случится с нашим

другом... Прошу меня простить, сэр Генри... Кому перейдет имущество?

– Поскольку Роджер Баскервиль, младший брат сэра Чарльза, умер холостяком, все перейдет семейству Десмондов, это дальние родственники Баскервилей. Старый Джеймс Десмонд живет в Вестморленде, он священник.

– Благодарю вас. Это очень важно. Вам приходилось когда-нибудь встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

– Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. По виду это благообразный старец. Помню, он даже отказался от денег, которые ему предлагал сэр Чарльз, хотя тот очень настаивал.

– И этот скромный человек унаследовал бы имущество сэра Чарльза?

– Да, потому что по степени родства он – ближайший родственник. Кроме того, к нему перешли бы и деньги сэра Чарльза, если, конечно, они не будут отписаны кому-нибудь другому их нынешним владельцем, сэром Генри, который, конечно же, имеет полное право распоряжаться ими по своему усмотрению.

– А вы, сэр Генри, уже составили завещание?

– Нет, мистер Холмс. У меня пока не было времени, я ведь только вчера узнал, что к чему. В любом случае, насколько я понимаю, деньги переходят к наследнику вместе с титулом и имуществом. Это идея моего бедного дядюшки. Как же новому владельцу поместья возродить былую славу рода Баскервилей, если у него не будет достаточно денег на содержание родового гнезда? Дом, земля и доллары должны быть неразлучны.

– Совершенно верно. Что ж, сэр Генри, я полностью поддерживаю вас в решении как можно скорее ехать в Девоншир. Но есть одно условие, которое вы обязательно должны выполнить. Вам ни в коем случае нельзя ехать одному.

– Но доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

– У доктора Мортимера есть пациенты, к тому же его дом находится в нескольких милях от Баскервиль-холла. При всем желании он не сможет

помочь вам, если что-нибудь случится.

Нет, сэръ Генри, вы должны ехать с надежным человеком, который всегда будет находиться рядом с вами.

– А вы сами не могли бы поехать, мистер Холмс?

– Если дело зайдет слишком далеко, я, конечно, найду возможность вырваться, но вы же понимаете, что при том количестве клиентов, которые обращаются ко мне за консультацией, я не могу себе позволить уехать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одному из самых известных имен Англии угрожает шантажист, и только я могу предотвратить ужасный скандал. Видите, я просто не имею права ехать с вами в Дартмур.

– Тогда кого же вы посоветуете?

Холмс положил руку мне на плечо.

– Если мой друг не будет против, лучшего спутника в трудную минуту, чем Ватсон, вам не найти. Уж кому как не мне это знать.

Это предложение свалилось на меня как снег на голову. Я не успел и глазом моргнуть, а Баскервиль уже тряс мою руку.

– Доктор Ватсон, я вам так благодарен! – обрадовался он. – Конечно же, ведь об этом деле вам известно не меньше, чем мне самому. Если вы отправитесь в Баскервиль-холл и поживете там какое-то время со мной, поверьте, уж я этого не забуду!

Меня всегда тянуло к приключениям, и, честно говоря, мне было очень приятно слышать слова Холмса и видеть столь искреннюю радость баронета. Поэтому я согласился.

– Я с удовольствием поеду с вами, – сказал я. – Все равно мне сейчас нечем заняться.

– А мне вы будете посылать подробные отчеты, – сказал Холмс. – Когда наступит развязка, а это непременно случится, я дам вам указания, как поступить. К субботе успеете собраться, сэр Генри?

– Если это устроит доктора Ватсона.

– Разумеется.

– Тогда, если от меня не поступит других указаний, встречаемся в субботу в десять тридцать на вокзале в Паддингтон.

Мы уже поднялись, чтобы уходить, как вдруг Баскервиль, радостно вскрикнув, нырнул в угол комнаты и извлек из-под шкафа светло-коричневый башмак.

– Смотрите-ка! – воскликнул он. – Мой пропавший башмак!

– Если бы все наши трудности решались так же просто, – обронил Холмс.

– Подождите, как же так? – растерялся доктор Мортимер. – Я утром сам осматривал эту комнату.

– И я тоже, – произнес Баскервиль. – Каждый дюйм.

– Я уверен, что тогда этого башмака здесь не было.

– Выходит, это коридорный сунул его туда, пока мы обедали.

Немца тут же пригласили в номер, но он клялся, что ничего об этом не знает. Расспросы остальных служащих гостиницы также ничего не дали. Пришлось это происшествие причислить к списку тех необъяснимых явлений, которые постоянно происходили вокруг нас. Даже если не брать во внимание загадочную смерть сэра Чарльза, в течение каких-то двух дней мы стали свидетелями целого ряда таинственных происшествий: письмо, составленное из вырезанных из газеты слов, чернобородый соглядатай в двухколесном экипаже, исчезновение сначала нового светло-коричневого ботинка, а затем старого черного.

Пока мы возвращались в кебе домой на Бейкер-стрит, Холмс не произнес ни слова. Видя его сдвинутые брови и сосредоточенное выражение лица, я понимал, что в ту минуту его разум напряженно пытался составить некую схему, в которую уложились бы все эти странные и на первый взгляд никак не связанные между собой события. Остаток дня до самого вечера Холмс молчал, курил и думал.

Перед самым ужином принесли две телеграммы. В первой говорилось:

«Только что пришло подтверждение, что Бэрримор в Холле. БАСКЕРВИЛЬ».

«Обошел все двадцать три гостиницы, к сожалению, изрезанной страницы «Таймс» не обнаружил. КАРТРАИТ», – сообщалось во второй.

– Две нити оборвались, Ватсон. Нет более увлекательного дела, чем то, в котором все складывается против тебя. Придется потрудиться, чтобы выйти на новый след.

– Остался кебмен, который возил чернобородого...

– Да-да. Я уже послал телеграфный запрос в их агентство, мне должны сообщить его имя и адрес. Не удивлюсь, если это пришел ответ.

Звонок в дверь принес нечто большее, чем простой ответ на запрос, поскольку в следующую секунду порог гостиной перешагнул грубоватого вида мужчина, очевидно, кебмен собственной персоной.

– Начальник сказал мне, что по этому адресу какой-то господин интересуется номером две тысячи семьсот четыре, – громко заговорил он. – Я уже семь лет вожу людей, и до сих пор на меня не было ни одной жалобы. Я специально сам пришел, чтобы узнать, что вы имеете против меня.

– Что вы, уважаемый, я против вас совершенно ничего не имею! – воскликнул Холмс. – Наоборот, я готов заплатить вам полсоверена, если вы четко ответите на мои вопросы.

– Что ж, сегодня, похоже, мне везет, – усмехнулся кебмен. – Что вы хотите узнать, сэр?

– Во-первых, ваше имя и адрес, на тот случай, если мне понадобится снова вас найти.

– Джон Клейтон, третий дом на Тарпи-стрит в Бароу. Работаю на кебе из «Шипли-ярд», это рядом с вокзалом Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал сведения.

– А теперь, Клейтон, расскажите про пассажира, сегодня в десять утра наблюдавшего за этим домом, а потом следившего за двумя джентльменами, которые оттуда вышли и пошли по Риджент-стрит.

Извозчик несколько удивился и смутился.

– Что ж мне вам рассказывать, коли вы и так все знаете не хуже моего, – сказал он. – Вообще-то тот джентльмен сказал, что он сыщик, и велел никому про него не рассказывать.

– Друг мой, это очень серьезное дело, и у вас могут быть очень большие неприятности, если вы попытаетесь что-либо утаить от меня. Говорите, пассажир назвался сыщиком?

– Да.

– Когда он вам об этом сказал?

– Когда вылезал из моего экипажа.

– Он сказал что-нибудь еще?

– Он назвал свое имя.

Холмс бросил на меня довольный взгляд.

- Назвал имя! Весьма опрометчиво с его стороны. И как же его зовут?

- Его зовут Шерлок Холмс, - сказал кебмен.

Никогда еще я не видел своего друга таким удивленным. Ответ Джона Клейтона прямо-таки сразил Холмса наповал, но уже через пару секунд он от души рассмеялся.

- Превосходно, Ватсон... Это настоящий талант, - отдышавшись, сказал он. - Чувствую, этот противник не уступает мне ни в быстроте, ни в сообразительности. Должен признать, этот раунд за ним. Так вы говорите, его зовут Шерлок Холмс?

- Да сэр, это имя назвал тот джентльмен.

- Просто замечательно! Расскажите, где вы взяли этого пассажира и что было потом.

- В половине десятого тот господин остановил меня на Трафальгарской площади. Сказал, что он сыщик, и пообещал две гинеи[29 - В 1 гинею 21 шиллинг.], если я буду целый день делать то, что он велит, и не стану задавать вопросов. Я, само собой, с радостью согласился. Сначала я привез его к гостинице «Нортумберленд». Там мы дождались, пока из нее выйдут два джентльмена и возьмут кеб. Потом - поехали за ними и остановились где-то неподалеку отсюда.

- Рядом с этим домом? - уточнил Холмс.

- Точно я не скажу, но мой пассажир, должно быть, знает лучше. В общем, остановились мы где-то тут и прождали полтора часа. Потом мимо нас прошли те же двое джентльменов. Они проследовали по Бейкер-стрит, потом вышли на...

- Это я знаю, - перебил его Холмс.

- Мы проехали три четверти мили по Риджент-стрит, затем пассажир захлопнул окно и велел мне гнать как можно скорее на вокзал Ватерлоо. Я хлестнул свою

кобылу, и мы домчали туда меньше чем за десять минут. Там он заплатил, как и обещал, две гинеи и пошел себе на вокзал. Только, когда выходил, обернулся и сказал: «Тебе, может быть, интересно узнать, что сегодня ты возил самого Шерлока Холмса». Так я и узнал, как его зовут.

– Понятно. И больше вы его не видели?

– Нет.

– Не могли бы вы описать мистера Шерлока Холмса?

Кебмен почесал макушку.

– Не так-то просто будет описать этого джентльмена. Я бы дал ему лет сорок, росту он был среднего, дюйма на два-три ниже вас, сэр, одет прилично, и борода у него была такая черная, стриженная квадратом. Лицо бледное. Больше я, пожалуй, ничего не скажу.

– Цвет глаз заметили?

– Нет, не приметил.

– Это все?

– Да, сэр, больше мне сказать нечего.

– Что ж, вот ваши полсоверена. Если еще что-нибудь вспомните, получите столько же. Всего доброго.

– До свидания, сэр. И спасибо!

Джон Клейтон, довольно посмеиваясь, удалился, а Шерлок Холмс повернулся ко мне и с грустным вздохом пожал плечами.

– Вот и третья ниточка оборвалась. Мы вернулись к тому, с чего начали. Ну и хитрый мерзавец, а! Он знал наш адрес, знал, что сэр Генри Баскервиль

обращался ко мне. Вычислил меня на Риджент-стрит, догадался, что я запомню номер кеба и найду извозчика, и даже передал мне через него это наглое послание! Да, Ватсон, у нас действительно достойный противник. В Лондоне я ему проиграл, надеюсь, вам в Девоншире повезет больше. Но кое-что меня очень беспокоит.

– Что именно?

– То, что я отправляю вас туда одного. Это скверное дело, Ватсон. Скверное и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше оно мне нравится. Да, друг мой, вы можете смеяться, но поверьте, я буду очень рад, когда снова увижу вас здесь, на Бейкер-стрит, целым и невредимым.

Глава VI

Баскервиль-холл

В назначенный день мы, как и договаривались, встретились с сэром Генри Баскервилем и доктором Мортимером. По дороге на вокзал мистер Шерлок Холмс снабжал меня последними указаниями и советами.

– Я не хочу, чтобы мои теории и подозрения как-то повлияли на ваши выводы, Ватсон, поэтому сейчас не буду ничего говорить, – напутствовал меня он. – Мне нужно, чтобы вы просто сообщали мне факты, и как можно более подробно. Выводы предоставьте делать мне.

– Факты какого рода вас интересуют?

– Все, что прямо или косвенно может быть связано с этим делом, и в первую очередь – отношения молодого Баскервиля с соседями и любые новости относительно смерти сэра Чарльза. Я за эти дни сам пытался навести кое-какие справки, но, боюсь, результаты оказались неутешительными. Единственное, что удалось установить наверняка, это то, что мистер Джеймс Десмонд, следующий наследник, это действительно заслуживающий уважения старик, который не может иметь отношения к нашему делу. Я думаю, мы можем смело

его исключить. В нашем поле зрения остаются только люди, которые будут непосредственно окружать сэра Генри Баскервиля на болотах.

– Может, стоит начать с того, чтобы избавиться от этих Бэрриморов?

– Ни в коем случае. Это было бы непростительной ошибкой. Если эта супружеская пара невиновна, было бы жестоко и несправедливо увольнять их, но если же все это – их рук дело, так мы потеряем всякую возможность уличить их в преступлении. Нет, нет, пусть они пока останутся в списке подозреваемых. В Холле, если я не ошибаюсь, есть еще конюх. Потом двое соседей-фермеров. Наш друг доктор Мортимер (в его честности я ни на секунду не сомневаюсь) и его жена, о которой нам ничего неизвестно. Не забудем про натуралиста, Стэплтона, и его сестру, судя по рассказам, красивую молодую леди. К тому же есть еще некий мистер Френкленд, роль которого в этом деле нам также непонятна. Остаются еще паратройка соседей. Вот люди, на которых вам нужно сосредоточить внимание.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– У вас есть оружие?

– Да, я подумал, что стоит захватить его с собой.

– Правильно. Держите ваш револьвер при себе днем и ночью и никогда не теряйте бдительности.

Наши друзья уже успели забронировать места в вагоне первого класса и теперь дожидались нас на платформе.

– Нет, у нас ничего нового, – в ответ на вопрос Шерлока Холмса покачал головой доктор Мортимер. – Но я совершенно уверен в том, что в течение последних двух дней за нами никто не следил. Выходя на улицу, мы всегда очень внимательно смотрели по сторонам. Если бы за нами кто-нибудь наблюдал, мы бы это обязательно заметили.

– То есть вы все время провели вместе?

– Да, кроме вчерашнего вечера. Приезжая в Лондон, я всегда посвящаю один день любимому занятию. Вчера я сходил в музей Хирургического колледжа.

– А я погулял в парке, посмотрел на людей, – вставил Баскервиль. – Все было тихо-мирно.

– Все равно это было очень неосмотрительно с вашей стороны, – мрачно покачал головой Холмс. – Я очень прошу вас больше не ходить гулять в одиночку, иначе может произойти что-то ужасное. Вы нашли второй башмак?

– Нет, сэр, видно, его уже не сыскать.

– Гм. Очень интересно. Ну что ж, до свидания, – добавил Холмс, когда поезд тронулся и стал медленно набирать скорость. – Сэр Генри, не забывайте предостережение из легенды, которую читал нам доктор Мортимер, и не выходите на болото в ночные часы, когда мир погружается во власть темных сил.

Когда мы отъехали уже довольно далеко, я обернулся и увидел высокую мрачную фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе, провожая взглядом поезд.

Недолгое время поездки я употребил на приятные занятия: поближе познакомился с попутчиками и поиграл со спаниелем доктора Мортимера. Очень скоро коричневая земля за окном приобрела красноватый оттенок, гранит сменился кирпичом, и все чаще и чаще стали попадаться рыжие коровы, которые паслись на хорошо ухоженных полях. Густая сочная трава и пышные заросли культурных растений говорили о том, что климат в этих местах более благоприятный, чем у нас, хоть и более сырой. Молодой Баскервиль почти все время смотрел в окно и то и дело радостно вскрикивал, когда узнавал знакомые с детства детали пейзажа.

– Знаете, доктор Ватсон, с тех пор, как я покинул эти места, мне пришлось объездить полмира, – расчувствовался он, – но более красивых мест я не встречал.

– Нет такого девонширца, который не восхищался бы своими родными местами, – заметил я.

– Тут дело не только в природе, но и в наследственных особенностях людей, которые населяют эти места, – сказал доктор Мортимер. – Посмотрите, к примеру, на нашего друга, сэра Генри. Его череп имеет шарообразную форму, что характерно для кельтов[30 - Кельты (галлы) – древние индоевропейские племена, населявшие Европу, в том числе и Британские острова во второй половине I тысячелетия до н. э. К середине I века до н. э. покорены римлянами.]. Следовательно, склонность к яркому проявлению чувств и оседлость у него в крови. У несчастного сэра Чарльза череп был очень необычного строения, наполовину гэльский[31 - Гэлы – этническая группа шотландцев в горных районах северо-западной Шотландии и на Гебридских островах. Иберы – древние племена Испании.], наполовину иберийский. Но вы ведь уехали из Баскервиль-холла еще в детстве, не так ли, сэр Генри?

– Когда умер отец, я был уже подростком, но самого Холла я ни разу не видел, потому что жили мы в небольшом коттедже на южном берегу. Сразу после смерти отца я уехал к другу в Америку. Поверьте, для меня все это так же незнакомо, как для доктора Ватсона. Мне очень хочется поскорее увидеть торфяные болота, я просто сгораю от нетерпения.

– В самом деле? В таком случае можете считать, что ваше желание исполнилось, потому что мы как раз проезжаем болота, – сказал доктор Мортимер и показал на окно вагона.

Невдалеке, за изрезанным на зеленые квадраты полем и приземистым леском показался серый, унылый холм со странной ухабистой вершиной, которая издали казалась какой-то расплывчатой, напоминая один из тех фантастических пейзажей, которые иногда видятся во сне. Баскервиль долго всматривался в даль, и по его беспокойному лицу я понял, как много для него значила первая встреча с землей, которая так долго принадлежала его предкам и для которой они столько сделали. Сэр Генри был одет в твидовый костюм, сидел в купе самого обычного железнодорожного вагона и даже разговаривал с американским акцентом, но все равно в ту минуту, при взгляде на это смуглое выразительное лицо я как никогда почувствовал, что передо мной – потомок древнейшего благородного рода, такой же горячий и властный, как и все его предки. В густых бровях, тонких чувствительных ноздрях и больших темных глазах читались гордость, отвага и сила. Если на этих болотах нам суждено попасть в переделку, по крайней мере можно быть уверенным, что этот человек не подведет и не оставит в беде.

С поезда мы сошли на небольшом полустанке на перегоне. Чуть поодаль, за низеньким белым забором стояла линейка, запряженная двумя коренастыми лошаденками. Наш приезд, по-видимому, был большим событием, поскольку станционный смотритель с грузчиками тут же бросились к нам, завладели багажом и, невзирая на протесты, понесли чемоданы и сумки к экипажу. Это было обычное, милое деревенское местечко, но меня удивило, что у ворот, опираясь на короткие винтовки, стояли двое солдат в темной форме, которые внимательно смотрели на нас. Извозчик, невысокий, мужиковатого вида парень с грубыми чертами лица отвесил сэру Генри поклон, и уже через пару минут мы выехали на широкую белую дорогу.

С обеих сторон не было ничего, кроме густо поросших сочной зеленой травой лугов да редких невысоких домиков с остроконечными крышами, но за этой мирной, залитой солнцем пасторальной картинкой на фоне начинающего багроветь неба темнели изрезанные зловещие холмы торфяных болот. Линейка свернула на уходящую в сторону холмов боковую дорогу. Скорее это была даже не дорога, а две колеи, за века выбитые в земле колесами, – глубокие, поросшие густым мхом, с выступающими жирными корнями листовика. Заросли бронзовых папоротников и крапчатой ежевики мерцали в лучах вечернего солнца. Мы, по-прежнему поднимаясь в гору, миновали узкий каменный мост над небольшой, но шумной речкой, которая, бурля и пенясь, несла свои воды вдоль серых булыжных берегов. И дорога, и поток, извиваясь, уходили в долину, заросшую невысокими дубами и елями.

Стоило нам заехать за очередной поворот, как сэр Генри тут же восторженно вскрикивал, начинал крутить головой по сторонам и задавать бесчисленное количество вопросов. Ему все вокруг представлялось живописным и прекрасным, мне же здешние места показались дикими и навевающими тоску. Когда мы проезжали под деревьями, желтые листья, кружась, сыпались нам на головы и падали на раскисшую дорогу. Грохот колес казался совершенно неуместным в окружающем нас царстве гниющих растений, этих жалких даров, которыми, как мне показалось, природа приветствовала возвращение наследника Баскервилей.

– Смотрите! – неожиданно воскликнул доктор Мортимер. – А это что такое?

За очередным поворотом нашим глазам открылся крутой, поросший вереском холм. На его вершине четко вырисовывалась мрачная неподвижная фигура

вооруженного всадника, похожего на конную статую на пьедестале. Через руку у него была перекинута винтовка, и он явно наблюдал за дорогой, по которой ехали мы.

- Что это, Перкинс? - обратился доктор Мортимер к извозчику.

Наш возница повернулся и посмотрел на фигуру на холме.

- Из Принстауновской тюрьмы сбежал каторжник, сэр. Он уже третий день прячется где-то на болотах, поэтому на всех дорогах и станциях расставили часовых. Только пока его никто не видел. Фермерам это очень не нравится.

- Но им же, наверное, обещано фунтов пять вознаграждения за информацию о нем?

- Да, но кому охота за пять фунтов рисковать жизнью? Он ведь не воришка какой. Этому молодцу человеку горло перерезать, что вам плюнуть.

- Кто же это?

- Сэлден, ноттингхиллский[32 - Ноттингхилл - бедный район в западной части Лондона.] убийца, слышали, может?

Я прекрасно помнил это имя, поскольку Холмс в свое время очень интересовался его делом, из-за невероятной жестокости, с которой тот совершал убийства. Смертный приговор до сих пор не был приведен в исполнение лишь потому, что зверства Сэлдена были настолько ужасны, что у судей возникло сомнение в его психическом здоровье. Мы выехали на гору, и нашему взору открылся бескрайний простор, весь в горах камней и невысоких холмах. Это и были торфяные болота. Неожиданно на нас налетел холодный ветер, отчего стало еще неуютнее. Где-то там, в этих оврагах, в какой-нибудь норе, как дикий зверь, прячется жестокий убийца. Его сердце клоочет от ненависти ко всему роду человеческому, отвергшему его. Все это, вместе с пронизывающим ветром и темнеющим небом сложилось в такую невеселую картину, что даже Баскервиль притих и поплотнее закутался в пальто.

Плодородная местность осталась внизу позади нас. Обернувшись, мы увидели, как косые лучи предзакатного солнца раскрашивали в золото и багрянец лес, выступавший на равнину тупым углом, и коричневую свежевспаханную землю. Лежащая перед нами дорога уходила вдаль и терялась между бурыми и грязно-желтыми буграми, утыканными гигантскими валунами. По пути нам попались несколько домов, полностью выложенных из камня. Их грубые стены не увивал даже плющ.

Неожиданно дорога вывела нас на край низины в форме огромной чаши, которая была усеяна редкими дубами и елями причудливой формы. По-видимому, это сильный ветер, постоянно дующий в этой естественной воронке, изогнул и перекрутил стволы деревьев. За ними вздымались две высокие узкие башни. Извозчик указал на них хлыстом.

– Баскервиль-холл, – сказал он.

Новый владелец поместья поднялся с сиденья и устремил взволнованный взор на дом своих предков.

Через несколько минут мы подъехали к воротам сторожки с замысловатой кованой решеткой и двумя обветшалыми от непогоды столбами по обеим сторонам. Эти старые столбы были сплошь покрыты пятнами лишая, сверху на них красовались кабаньи головы – родовой символ Баскервильей. От самой сторожки почти ничего не осталось – лишь беспорядочная груда черных гранитных блоков да голые ребра стропил. Но рядом с ней красовалось новое, правда, достроенное только до половины здание – первое материальное воплощение южноамериканских барышей сэра Чарльза.

Миновав ворота, мы снова оказались под сенью деревьев. Туннель, образованный плотно смыкающимися над головами ветками, казался неприветливым и мрачным. Посмотрев на длинную темную аллею, на фоне которой, напоминая потустороннее видение, мерцал большой дом, Баскервиль поежился.

– Это здесь произошло? – тихо спросил он.

– Нет, нет, Тисовая аллея с другой стороны.

Молодой наследник мрачно осмотрелся.

– Неудивительно, что дядя предчувствовал тут беду, – сказал он. – Живя в таком месте, как это, любой начнет хандрить. Но ничего, я повешу здесь электрические лампы, и через полгода вы это место не узнаете. А дверь у меня будет освещать «Сван и Эдисон»[33 - «Сван и Эдисон» – электрическая лампа, названная в честь изобретателей. (Примеч. пер.)] в тысячу свечей.

Проехав по аллее, мы оказались на широком газоне, за которым нашему взору открылся дом. Несмотря на то что уже порядком стемнело, я смог различить массивное центральное строение с портиком. Весь фасад был увит плющом. Сплошная темно-зеленая вуаль имела проплешины лишь в тех местах, где поблескивали стрельчатые окна. Это здание служило основой для двух древних башен, стены которых были испещрены амбразурами и бойницами. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита явно более современной постройки. В невысоких окнах со средниками горел неяркий свет, над покатыми островерхими крышами из одной из труб поднимался одинокий черный столб дыма.

– Добро пожаловать, сэра Генри! Приветствую вас в Баскервиль-холле!

Из тени портика вышел высокий мужчина и открыл дверцу линейки. Следом за ним появилась женщина. Она тоже подошла к экипажу и стала помогать разгружать наш багаж.

– Сэр Генри, вы не будете против, если я вас оставлю и сразу поеду домой? – спросил Мортимер. – Меня жена ждет.

– Как, даже не останетесь поужинать?

– Нет, я должен ехать. У меня уж, наверное, и работы накопилось немало. Я бы остался показать вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня. До свидания. И помните, что в любое время, хоть днем, хоть ночью вы можете смело обращаться ко мне, если я вам понадоблюсь.

Доктор Мортимер укатил, и мы с сэром Генри вошли в холл. Тяжелая дверь гулко захлопнулась за нами. Зал, в котором мы оказались, был красив – просторный, с высоким потолком и огромными, почерневшими от времени дубовыми стропилами. В большом старинном камине за высокой чугунной решеткой уютно потрескивал огонь. Мы с сэром Генри так продрогли за время длительной поездки, что первым делом подошли к камину, чтобы согреться. Лишь после этого, внимательнее осмотревшись, мы заметили высокое узкое окно со старым, потускневшим от времени стеклом, дубовую обшивку, олени головы и фамильные гербы на стенах. Центральная лампа горела неярко, поэтому все было погружено в полумрак и производило довольно гнетущее впечатление.

– Все именно так, как я себе и представлял, – сказал сэр Генри. – Типичное родовое гнездо. Подумать только, именно здесь мои предки прожили пять веков. У меня от волнения поджилки трясутся, когда я об этом думаю.

Я заметил, что смуглое лицо сэра Генри озарилось мальчишеским восторгом, когда он обводил глазами холл. Огонь в камине ярко освещал Баскервиля, но длинные тени расползались по стенам и сгущались над его головой черным балдахинном.

Вернулся Бэрримор, который разносил вещи по нашим комнатам. Подойдя к нам, он замер с видом хорошо вышколенного слуги, ожидающего распоряжений. Это был мужчина примечательной внешности – высокий, красивый, с окладистой черной бородой и бледным благообразным лицом.

– Прикажете подавать ужин, сэр?

– А что, все уже готово?

– Будет готово через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Сэр Генри, мы с женой будем счастливы остаться с вами на первых порах, ведь при новых обстоятельствах дому, очевидно, понадобится большой штат слуг.

– При каких еще новых обстоятельствах?

– Я имел в виду, что сэр Чарльз вел очень уединенный образ жизни и мы сами справлялись с его нуждами. Вас же, естественно, такая замкнутая жизнь

не устроит, поэтому вы захотите произвести определенные изменения в домашнем укладе.

– Вы хотите сказать, что собираетесь вместе с женой получить расчет?

– Только когда это будет удобно вам, сэ.

– Но ведь несколько поколений наших предков прожили в этом доме бок о бок, не так ли? Я не думаю, что мне стоит начинать жизнь здесь с нарушения старых семейных традиций.

Мне показалось, что на невозмутимом бледном лице дворецкого промелькнуло некое подобие волнения.

– И я так считаю, сэ. И моя жена тоже. Но, по правде говоря, сэ, мы с ней были очень привязаны к сэру Чарльзу, и его смерть нас так потрясла, что нам теперь очень тяжело оставаться в этих стенах. Боюсь, мы с ней уже никогда не сможем чувствовать себя в Баскервиль-холле также спокойно, как раньше.

– Так чем же вы думаете заняться?

– Я уже твердо решил, сэ, что лучше всего будет посвятить себя какой-нибудь предпринимательской деятельности. Благо щедрость сэра Чарльза открывает нам к этому дорогу. Но сейчас, сэ, позвольте, я покажу вам ваши комнаты.

Высоко под потолком старого холла проходила галерея с балюстрадой. К галерее вела лестница из двух пролетов. С нее начинались два длинных, проходящих по всему зданию коридора, в которые выходили двери всех спален. Моя спальня находилась в том же крыле, что и спальня Баскервиля, и наши двери были почти рядом. Эти комнаты не казались такими старыми, как большой зал. Яркие обои и множество свечей помогли мне избавиться от тягостного ощущения, оставшегося в душе после первого знакомства с Баскервиль-холлом.

За холлом был расположен обеденный зал, темное, мрачное помещение вытянутой формы с возвышением, отделяющим места для членов семьи от мест для прислуги, и крытым балконом для менестрелей[34 - Менестрель – бродячий певец и музыкант средневековья.]. Потемневший от дыма потолок от стены

до стены пересекали черные балки. Возможно, когда в старину здесь проходили шумные и яркие пиры и на стенах горели батареи факелов, зал не производил такого гнетущего впечатления, но сейчас, когда единственным освещенным местом был лишь небольшой кружок тусклого света от лампы, двое джентльменов в черных костюмах поневоле разговаривали вполголоса. Из полумрака с развешенных на стене портретов за нами молчаливо наблюдала длинная вереница предков Баскервиля в самых разнообразных одеждах, от рыцарских лат елизаветинских времен[35 - Королева Елизавета I правила Англией в 1558-1603 годах. Елизаветинской эпохой традиционно называют конец XVI - нач. XVII века, последние двадцать лет правления Елизаветы I и первые десять лет царствования Якова I - период, когда английская литература и культура в целом достигли значительного расцвета. В это время жили и творили К. Марло, Т. Кдд, В. Шекспир, Ф. Бэкон, Б. Джонсон и многие другие.] до щегольских костюмов эпохи Регентства[36 - Регентство - в монархических странах временное правление одного или нескольких лиц в случае вакантности престола, малолетства, продолжительной болезни, недееспособности или длительного отсутствия монарха. Эпоха Регентства в Англии - это 1811-1820 годы, время правления принца Уэльского, замещавшего на троне своего душевнобольного отца Георга III и впоследствии ставшего королем Георгом IV (1820-1830).]. Под их взглядами мы чувствовали себя неуютно, поэтому разговаривали мало, и я был рад, покончив с едой, перейти в оформленную в более современном стиле бильярдную, где мы с сэром Генри закурили сигареты.

- М-да, - протянул Баскервиль, - не самое уютное место. Наверное, к этому можно привыкнуть, но сейчас мне кажется, что в эту обстановку я немного не вписываюсь. Ничего удивительного в том, что у дяди было не все в порядке с нервами, если он жил в таком доме один. Если вы не против, давайте сегодня ляжем спать пораньше. Надеюсь, завтра сутра здешняя обстановка не покажется нам такой мрачной.

Перед тем как лечь спать, я раздвинул шторы. Окно моей спальни выходило на газон перед портиком. За ним начинались два ряда деревьев, покачивавших ветвями и заунывно стонавших в порывах усиливающегося ветра. По небу быстро плыли тяжелые облака. На секунду из-за них проглянул полумесяц, озарив призрачным светом далекую гряду скал и длинную линию хмурых болот. Убедившись, что последнее на сегодня впечатление от Баскервиль-холла не противоречит общему настроению этого места, я задернул штору и лег.

Однако оказалось, что это впечатление не было последним. Несмотря на ощущение усталости, я ворочался с одного бока на другой, но сон все не приходил. В доме царила мертвая тишина, лишь каждую четверть часа где-то вдалеке били часы. Но вдруг, когда я уже начал забываться, до моего уха донесся звук, совершенно отчетливый, который ни с чем нельзя было спутать. Женский плач. Приглушенные горестные рыдания женщины, доведенной до крайнего отчаяния. Я приподнялся в кровати и вслушался. Звук не мог доноситься откуда-то издали, плакали явно в доме. С полчаса я неподвижно просидел в кровати, напрягая до предела слух, но ничего кроме боя часов и шороха плюща за окном больше не услышал.

Глава VII

Стэплтоны из Меррипит-Хауса

Свежесть наступившего утра стерла тоскливое и мрачное настроение, навеянное на нас Баскервиль-холлом при первом знакомстве. Когда мы с сэром Генри садились завтракать, зал был наполнен солнечным светом, который попадал сюда через высокие многостворчатые витражные окна с изображением фамильных гербов, отчего все вокруг было в разноцветных размытых пятнах. В золотистых лучах темная обшивка стен сверкала, как начищенная бронза, и трудно было поверить, что это самое место вчера вечером произвело на нас такое гнетущее впечатление.

– Мне кажется, не дом, а мы сами виноваты в том, что место это показалось нам таким неудобным! – сказал баронет. – Мы устали с дороги, замерзли. Но теперь, когда мы отдохнули, набрались сил, все воспринимается по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/artur-konan-doyl-3/sobaka-baskerviley-8874154/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Дюйм – 2,54 сантиметра. (Здесь и далее примеч. А. П. Краснящих, если не указано иное.)

2

Член Королевского хирургического общества. (Примеч. пер.)

3

С буквы «h» начинается английское слово «hunt» – охотничий. (Примеч. пер.)

4

С. С. Н. – «Charing Cross Hospital» (Чарингкросская больница). (Примеч. пер.)

5

Экстерн (от лат. *externus* – внешний, посторонний) – внештатный врач, бесплатно работающий в больнице или ином медицинском учреждении для прохождения практики.

6

Джон Хьюлинг Джексон (1835–1911) – английский невролог, автор трудов о локализации двигательных центров коры головного мозга и др.

7

Альфонс Бертильон – французский юрист и автор системы судебной идентификации. (Примеч. пер.)

8

Девоншир – графство на юго-западе Англии.

9

Имеется в виду период Английской буржуазной революции (1640–1653).

10

Иомены – в Англии XIV–XVIII вв. свободные крестьяне, работающие на земле, являющейся их наследственной собственностью.

11

Праздник святого Михаила отмечается в католической традиции 29 сентября. В средние века считался обязательным, но, начиная с XVIII века, утратил свое значение торжества. Святого Михаила почитают как своего небесного заступника больные и умирающие.

12

Сквайр – в Англии титул, присоединяемый к фамилии земельного собственника.

13

Территория Южной Африки была английской колонией с 1806 по 1961 год.

14

Диспноэ (от греч. dys-he-рное – дыхание) – затрудненное дыхание, одышка.

15

Коллегия присяжных при коронере, которая по результатам расследования решает вопрос о наличии состава преступления в случае смерти. (Примеч. пер.)

16

Бушмены и готтентоты – народности, коренное население Южной Африки. Присутствие в чисто «английской» повести А. Конан Дойла отдельных южноафриканских мотивов объясняется непосредственно предшествовавшей ее написанию поездкой писателя на юг Африки в качестве врача на англо-бурскую войну.

17

Двуколка – двухколесная повозка.

18

1 ярд – 0,9144 метра.

19

Кеб – общепринятое сокращение от «кабриолет»; в зависимости от модификации – двух-или четырехколесная наемная карета для одного, двух или трех пассажиров. Кебы как уличный транспорт появились в Лондоне в 1823 году.

20

Бейкер-стрит – названа в честь Уильяма Бейкера, начавшего прокладывать и застраивать эту улицу в 1755 году.

21

Баронет – наследственный дворянский титул в Англии, средний между титулами высшей знати и низшего дворянства.

22

«Таймс» – старейшая и наиболее влиятельная ежедневная английская газета. Выходит в Лондоне с 1785 года.

23

Боргес – полиграфический шрифт. (Примеч. пер.)

24

Стрэнд – название одной из центральных лондонских улиц. (Примеч. пер.)

25

До свидания (фр.). (Примеч. пер.)

26

Оксфорд-стрит – улица в центре Лондона, недалеко от Бейкер-стрит.

27

Риджент-стрит – улица в центре Лондона, недалеко от Бейкер-стрит.

28

Одноколка – легкая двухколесная рессорная повозка.

29

В 1 гинее 21 шиллинг.

30

Кельты (галлы) – древние индоевропейские племена, населявшие Европу, в том числе и Британские острова во второй половине I тысячелетия до н. э. К середине I века до н. э. покорены римлянами.

31

Гэлы – этническая группа шотландцев в горных районах северо-западной Шотландии и на Гебридских островах. Иберы – древние племена Испании.

32

Ноттингхилл – бедный район в западной части Лондона.

33

«Сван и Эдисон» – электрическая лампа, названная в честь изобретателей.
(Примеч. пер.)

34

Менестрель – бродячий певец и музыкант средневековья.

35

Королева Елизавета I правила Англией в 1558–1603 годах. Елизаветинской эпохой традиционно называют конец XVI – нач. XVII века, последние двадцать лет правления Елизаветы I и первые десять лет царствования Якова I – период, когда английская литература и культура в целом достигли значительного расцвета. В это время жили и творили К. Марло, Т. Кдд, В. Шекспир, Ф. Бэкон, Б. Джонсон и многие другие.

36

Регентство – в монархических странах временное правление одного или нескольких лиц в случае вакантности престола, малолетства, продолжительной болезни, недееспособности или длительного отсутствия монарха. Эпоха Регентства в Англии – это 1811–1820 годы, время правления принца Уэльского, замещавшего на троне своего душевнобольного отца Георга III и впоследствии ставшего королем Георгом IV (1820–1830).

Купить: <https://tellnovel.com/artur-doyl/sobaka-baskerviley-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)